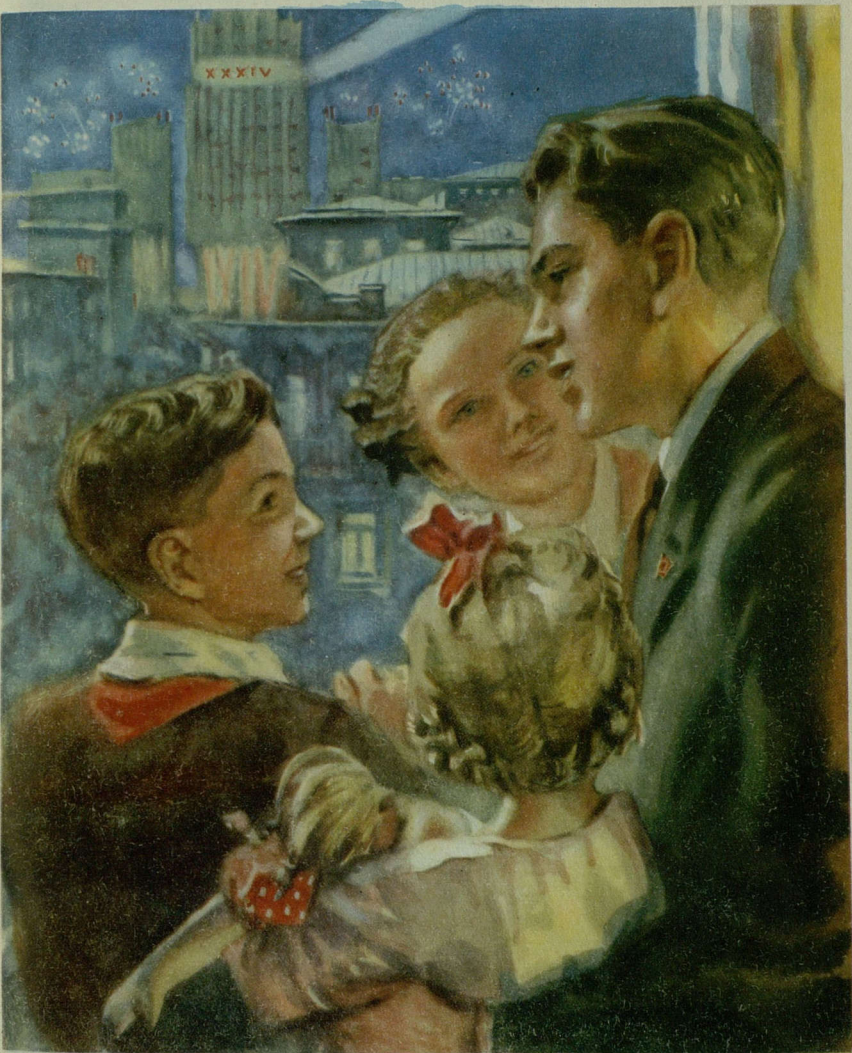

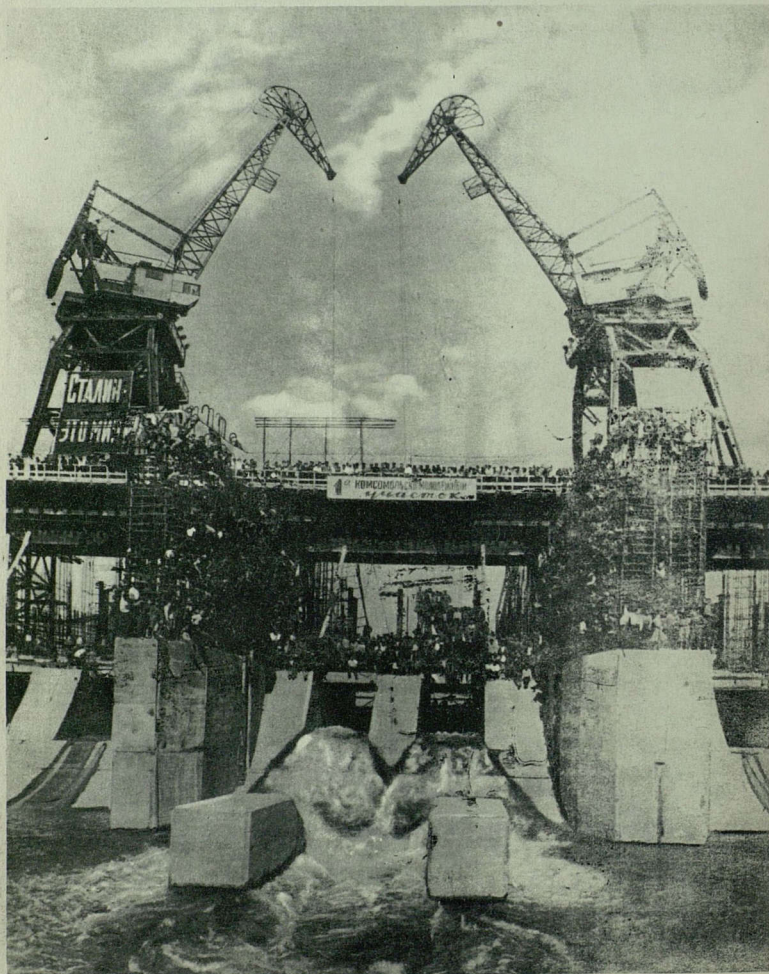
ПИОНЕР

НОЯБРЬ

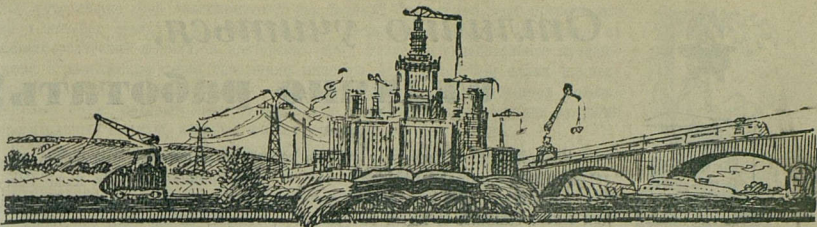
Издательство «Правда» 1951 г.

11

ДОН ИДЕТ В НОВОЕ РУСЛО!

ОГНИ ВЕЛИКОГО ПРАЗДНИКА

Когда по всей огромной нашей стране вспыхивают праздничные октябрьские огни — на тысячах высоких и красивых зданий, по улицам и площадям советских городов, — среди алых октябрьских полотнищ ясным светом сияет цифра. Она меняется с каждым годом, эта цифра, знаменующая рост и возмужание нашей молодой, чудесной Родины.

«Тридцать четыре» — возвещает она нынче. Тридцать четыре года существует первое в истории человечества государство рабочих и крестьян. Все эти годы, шаг за шагом, день ото дня, шла в Советской стране трудная, но радостная стройка! Она превратила нищую, голодную, безграмотную Россию в цветущую, изобильную и могущественную социалистическую державу.

«...Большое счастье дожить до таких дней, когда фантастика становится реальной, физически ощутимой правдой. Большое счастье!» — это сказал Горький.

Мы дожили до такого счастья. Светлое и прекрасное здание коммунизма перестало быть мечтой. В лесах великой стройки, в великих сооружениях нашей эпохи уже можно различить его прекрасные очертания. Оно в водах Дона, пошедших по новому руслу, готовых встретиться с водами другой великой русской реки, оно в преоборозовании пустыни Кара-Кумы, оно во всём мирном труде советских людей, побеждающих силы природы ради счастливой, лучезарной жизни.

Труд советского народа — могучий вклад в борьбу за мир, борьбу против тех, кто готовит новую войну. Каждый кирпич, который укладывают каменщики, возводя стены будущих электростанций, каждый кубометр земли, вынутый экскаваторщиками в руслах будущих каналов, каждый гектар насаждённых лесов, каждый центнер зерна с золотых колхозных полей — это борьба за мир, защита мира.

Горновые на домнах, забойщики в шахтах, бурильщики нефтяных скважин, машинисты на паровозах, штурвалы на комбайнах несут вахту мира. Они знают: нести вахту мира — значит делать свою работу как можно лучше. Они знают: каждая наша победа в мирном труде увеличивает мощь Советской страны и даёт новые силы миллионам честных людей на всём земном шаре бороться, чтобы мир победил войну.

Отлично учиться, отлично работать!

На всём земном шаре нет другого государства, которое относилось бы к детям с такой материнской нежностью, с таким вниманием, как наше Советское государство. Всё предоставлено детям: сады, детские парки, клубы, станции юных техников и юных натуралистов, театры, библиотеки, санатории, лагеря, стадионы. Почти четверть часть всех средств Советского государства расходуется на народное образование, на воспитание молодого поколения.

В нашей стране 19 миллионов юных пионеров-ленинцев. О том, чтобы они хорошо работали и учились, чтобы из них выросла надёжная смена старшим, партия поручила заботиться своему лучшему помощнику, четырежды орденоносному ленинскому комсомолу.

Недавно происходил VII пленум Центрального комитета комсомола, который собирался специально для того, чтобы обсудить вопрос о работе пионерской организации имени В. И. Ленина. Пленум наметил, как должен работать с пионерами комсомол, чтобы жизнь пионерской организации стала ещё более живой, содержательной, интересной.

Разумеется, очень многое зависит от вас самих, ребята.

Как же вам надо работать?

ПЕРВЕЙШАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

Учиться, накапливать знания — первойшая обязанность ребят. В этом, как и во всём, пионеры должны быть впереди. Пионер должен быть прилежным, честно и добросовестно готовить все домашние задания, внимательно слушать объяснения учителя. Но этого ещё недостаточно. Советские ребята, как и все советские люди, живут по закону дружбы. Для них дорога честь коллектива. Поэтому пионера заботят не только свои личные успехи, а успехи всего класса, всех ребят, которые учатся вместе с ним.

Пионер — надёжный помощник классного руководителя, директора школы, учителей. Он враг подсазков, списывания, лени; он действует личным примером и убеждением. Он служит образцом поведения и в школе и дома. Он оказывает товарищескую помощь ребятам, которым трудно даётся учение.

Но есть отряды, в которых пионеры совсем не помогают отстающим ученикам, думая, что это выработывает плохую привычку надеяться на других. А есть и такие, в которых, наоборот, пионеры считают своей обязанностью помогать всем подряд, даже тем, кто просто ленился. И то и другое неправильно. Разные бывают причины отставания, разные должны быть и лекарства для лечения этой болезни. В одном случае надо помочь, в другом — пристыдить. Здесь, как и во всём, учитель всегда укажет верный путь.

ДОРОГА К ЗНАНИЯМ

Вам даны самые широкие возможности удовлетворить свою любознательность. На пришкольных участках, на станциях юных натуралистов вы можете выращивать растения, учиться переделывать их природу и в десятках интересных опытов познавать законы, открытые великими русскими учёными.

В лабораториях и кружках домов пионеров вы можете строить интересные модели и приборы, по-новому узнавая физику, математику, механику, всё яснее постигая связь между жизнью и наукой.

Каждая прочитанная книга, каждый интересный поход в природу, на завод, музей делают вашу мысль богаче, ваши представления о мире более глубокими и ясными. Разве не обогатили себя знаниями пионеры Капневской шко-

ы, устроившие сбор «электричество на полях»? Разумеется, они провели его в четырёх стенах у классной доски, а среди полей родного колхоза, на животноводческих фермах, в мастерских МТС. Разве не увлекательное путешествие в заводские степи совершили пионеры Астрахани? Они ехали по песчаным барханам и представляли себе будущие леса Государственных полезащитных полос, которые защитят эту землю от суховея, представляли будущие речистельные каналы, которые напоят и оживят мёртвые пески.

Замечательно хорошо, когда ребята стремятся узнать больше, чем написано в учебнике! Но в некоторых отрядах предметные сборы превращаются в ополнительные уроки, на которых происходит разбор правил русского языка, математики. Это неправильно. Пионерский сбор не урок, и пионером следует здесь иными средствами расширять свой кругозор.

Дороги к знаниям, к их сияющим вершинам неисчислимы. Каждому из нас, ребята, надо научиться их находить, и лучшим провожатым, лучшим другом на этом пути всегда будет книга.

НА БЛАГО РОДНОЙ СТРАНЫ

Пионеры всегда готовы помогать взрослым. Они собирают семена деревьев для лесных полос; они разводят молодые сады, уничтожают сусликов, приносят газеты в полевые станы, заботятся о малышах, собирают металлический лом, охраняют птиц, переплетают школьные книги, — словом, скромными, посильными делами приобщаются к жизни и труду своего народа.

Называясь юными ленинцами, они и поступают, как учил Ленин: каждый день в каждом городе, в каждой деревне решают практически ту или иную задачу общего труда — пусть самую маленькую, пусть самую простую.

Крохотные ручейки, сливаясь вместе, образуют большие реки. Если всего одному килограмму металла соберёт каждый пионер, это составит 19 миллионов килограммов, или 19 тысяч тонн. Если всего по одной яблоньке посадит каждый пионер, получится сад в 19 миллионов деревьев. А в действительности советские ребята посадки уже не 19, а 32 миллиона фруктовых деревьев.

Комсомол хочет, ребята, чтобы вы работали лучше прежнего, стремясь быть настоящими юными ленинцами.

УМЕЛЫЕ РУКИ

Некоторые пионеры и учатся отлично и полезные дела вместе с отрядом делают, а поспотришь на них дома — и не узнаешь. Дома они барчуки, белоручки. Сами пуговицу не пришьют, сами галетук не разглядят, посевной платок не выстирают. Они, видите ли, не умеют этого! Или, ещё того хуже, им некогда...

Это стыдно! Это так же стыдно, как не знать таблицу умножения или правила по грамматике. Чаще всего за неумением скрывается нежелание заниматься простыми и необходимыми вещами, скрывается высокомерное, пренебрежительное отношение к труду. А ведь у нас в стране всякий труд почетен и каждый человек заслуживает славу и уважение, независимо от того, какую работу он делает, лишь бы делал её хорошо. Помочь маме в уборке комнаты, в приготовлении обеда — столь же важное дело, как и всякое другое, за которое берётся пионер. Каждый ли из вас умеет забить гвоздь, наточить нож, починить выключатель, ошкурить доску, напилить дров? К сожалению, не каждый. А есть пионеры, у которых на всю округу слава умелых мастеров, к которым соседи приходят за помощью — починить замок, наладить приёмник, склеить вазочку, запаковать чайник. С этих пионеров следует брать пример всем.

СИЛА, ЗДОРОВЬЕ, ЛОВКОСТЬ

Пионерам надо крепко дружить со спортом. Лыжи, коньки, парус, санки, вода и воздух должны быть неизменными спутниками вашего отдыха, ребята. Нобольше подвижных и спортивных игр, нобольше прогулок по родным

полям и лесам. Бегайте, плавайте, ходите в походы, проводите отрядные и звеньевые спортивные соревнования, и обязательно пусть каждый из вас делает утреннюю зарядку.

Пусть будет гордостью пионерского отряда, что в нём все хорошие спортсмены. Сильным, ловким, смелым спортсменом должен быть каждый пионер, каждая пионерка.

В ОТРЯДАХ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕСЕЛО

Иные звеньевые жалуются:

— У нас ребята не хотят оставаться на сборе. Мы уже и двери в классе запираем и пальто с вешалки не выдаём, а они всё равно стараются уйти.

Если пионеры убегают со сборов, значит, здесь плохие, неинтересные сборы. В некоторых дружинах завелась, например, мода превращать сборы в заседания. Выбирают президиум, секретарь строчит протокол, ребята делают длинные доклады, пересылая свою речь казёнными словами и рассуждая о том, что, дескать, план звеньев выполнен по хождению в кино на 30%, а по «сохвату» волейболом — на 40%.

Сборы, на которых пионеры ведут себя, словно старички и старушки, не нужны. Точно так же не нужны сборы, на которых всё разучено, каждое слово подготовлено и написано заранее, да порой ещё и не самими ребятами, а кем-нибудь из взрослых. На таких сборах одни пионеры выступают, а другие сидят и смотрят. Скучно слушать то, что твой товарищ целую неделю учил и разучивал на всех переменах!

СВОИМИ СИЛАМИ

Юные пионеры-ленинцы — члены самостоятельной детской организации. Это значит, что вам, ребята, предоставлен полный простор проявлять свою инициативу, свою находчивость в любом хорошем, интересном деле. Вам надо приучаться к самостоятельности и своими собственными силами выполнять то, что задумали. Вожатые и учителя — лучшие друзья, советчики, руководители пионеров, но не няньки. А между тем есть отряды, в которых ребята ждут, чтобы вожатый придумал за них тему сбора, подготовил дело, чтобы он всё сделал за пионеров.

Таких отрядов не очень много, но их и вовсе не должно быть. Чем больше вы проявите самостоятельности, изобретательности, тем интереснее будет ваша пионерская жизнь.

Но какие бы хорошие дела вы ни задумали, надо всегда помнить, что они не должны занимать ваше время в ущерб учёбу. В одной школе за учебный год ухитрились провести тридцать заседаний совета дружины, четыре дружинных сбора, девять пионерских семинаров и ещё в прилачу несколько совещаний с активом. А в другой школе отряд шестиклассников за один месяц устроил двенадцать сборов, считая и звеньевые и отрядные.

Бывает и так, что всю работу в звене или отряде делают одни и те же пионеры, а остальные ничего не делают. Надо равномерно распределять обязанности между ребятами. Надо, чтобы каждый пионер и школьник имел только одно пионерское поручение и участвовал не больше чем в двух кружках.

Дела хватят на всех, никому не придётся скучать, и каждый будет активным участником в жизни своей организации, её подлинным хозяином.

Советский народ видит в вас, ребята, наследников и продолжателей своего дела. Он хочет, чтобы вы росли жизнерадостными, сильными, трудолюбивыми и образованными людьми, достойными строителями коммунистического общества.

ЛЕСОРУБЫ

Е. Трутнева

Рисунки Е. Ребиковой

Через весь высокий берег
Протянулся тёмный бор.
Прибегают к речке звери
Из своих звериных нор.

Кулички и трясогузки
Бойко скачут на песке...
Лесорубы тропкой узкой
Подошли весной к реке.

Завизжали в чаще пилы,
Застучали топоры...
Сколько сосен повалили
На песчаные бугры!

Сколько света золотого
В мрак и сырость ворвалось!
Сколько леса молодого
Распрямилось, поднялось!

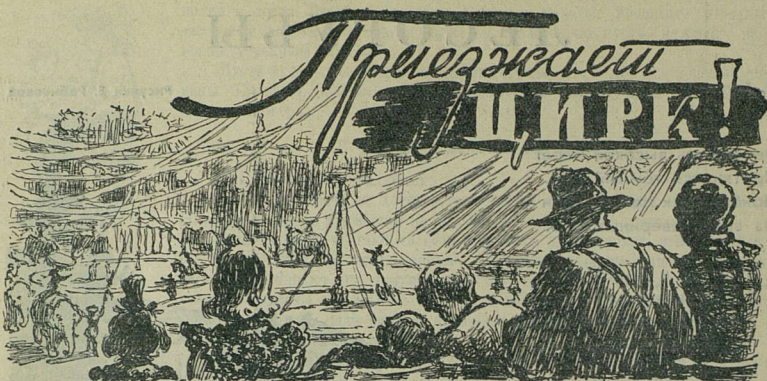
И стволы в плоты связали,
Оснастили каждый плот.
Волны им бока лизали,
Их качали на причале
Грозовые гребни вод.

Где клубился дым багровый,
Враг хозяйничал в селе,
Встал из пепла домик новый,
Весь сосновый, весь в смоле!

А за ним другой и третий
На зелёном берегу.
И опять смеются дети,
В школу поутру бегут.

Новый сруб встаёт за срубом,
Всё длинней весёлый ряд,
И спасибо лесорубам
В каждом доме говорят!

Альберт Мальц

Рисунки В. Таубера

Без четверти восемь братья уже были на месте, но цирк ещё не приехал.

Огромное поле, поросшее травой, было пусто: ни циркового шатра, ни слонов, ни диковинных уродцев, ни наездниц в обшитых стеклярусом юбочках — ничего, что входит в программу деревенского цирка!

Семилетний Алан был разочарован:

— Может быть, он и вовсе не приедет!

Эдди — ему минуло двенадцать — спокойно возразил брату:

— Но на афишах написано: в субботу, — так или нет? Не выдумывай! — И, помолчав секунду, прибавил: — Хорошо, что мы пришли рано: они нас, наверное, возьмут. Кто первый пришёл, тот первый смолол!

— А меня они возьмут, как ты думаешь?

В другое время Эдди огрызнулся бы: «Сколько раз ты ещё будешь меня спрашивать, верблюду? Откуда мне знать?», — но сейчас он сам был взволнован и сдержанно ответил брату:

— Уж я тебя устрою на работу, положишься на меня!

— А ты уверен, что клоуны будут?

— Клоуны всегда бывают.

— А откуда ты знаешь?

— Знаю — и всё.

Эдди вынул из кармана перочинный нож.

— Давай поиграем в ножички, время пройдёт быстрее!

— Меня больше всего интересуют клоуны, — бубнил Алан. — Больше всего они, ну, и, пожалуй, пушка, что стреляет людьми. Ужасно, если её не привезут!

Братья сели на траву, скрестив ноги, и начали играть. День выдался ветреный, но погожий: припекало солнышко, воздух был напоён приятными запахами весны — вспаханной землёй, полевыми цветами.

Несмотря на разницу в возрасте, братья очень походили друг на друга. У обоих были белые, как лён, волосы, светлая кожа, голубые глаза, удлинённые, худые лица; оба были стройные и ладные. Одежда подчёркивала семейное сходство: одинаково изношенные, выцветшие, много раз заплатаанные штаны, одного покроя ситцевые рубашки, правда, разного цвета, и прохудившиеся спортивные ботинки, оклеенные по ранту аптечными пластырем.

Братья с увлечением играли, болтая о цирке, но в душе каждый был встревожен.

Эдди ещё никогда не видел большого цирка, Алан и вовсе ни в каком цирке не бывал. Сердца мальчиков замирали от нетерпения: увидят ли они его сегодня, этот долгожданный цирк?

Братья жили в маленькой деревне штата Индиана. Владельцы цирка знали, что раз в два—три года они смогут распродать здесь билеты на одно представление, не больше. Как только появились первые афиши о «единственном грандиозном спектакле», мальчики прибежали к матери. Мать выслушала их внимательно, как всегда, и, как всегда, ответила:

— Очень жаль, сыночки, но два билета стоят доллар двадцать центов. На цирк у меня денег нет!

Братья молчали. Три года назад умер их отец, и с того дня слова «нет» и «очень жаль»

стали для них привычными, спорить было бесполезно.

Вскоре после разговора с матерью Эдди услышал от старшего товарища необычайно важную новость: если придти пораньше, таскать воду, расставлять стулья, помогать в любой работе, можно получить бесплатный билет в цирк. Вот почему без четверти восемь братья Камбелл, положив в кулёк два бутерброда с маслом из земляных орехов, примчались сюда, горя желанием получить работу.

А цирка всё нет. Было от чего придти в уныние.

Алана мучил сложный вопрос: возьмут ли на работу семилетнего? У Эдди тоже были свои сомнения: в те дни, когда мать уходила из дому, он отвечал перед нею за младшего брата. И сегодня мать отпустила их только при условии, что Эдди не оставит Алана. Эдди пообещал, но теперь он опасался, что малышу не дадут работы, и тогда придётся выбирать между цирком и словом, данным матери. Отказаться от цирка было выше его сил, покинуть же на целый день Алана на расстоянии мили от дома или отпустить одного домой, — значило получить от матери взбучку и остаться без ужина. Вот почему Эдди играл в ножки с таким чувством, что, как бы он ни поступил, всё равно добра не будет.

Часы на башне пробили восемь, половину девятого, девять. На поле один за другим приходили мальчики. Их становилось всё больше. Братья Камбелл прекратили игру, они рыскали взад и вперёд по полю, как разведчики в лагере врага.

Каждого вновь пришедшего спрашивали, купит он себе билет или заработает его. Каждого нового

соперника — а их была целая толпа — немедленно оценивали, подходит ли он по возрасту и силе, способен ли конкурировать с другими на рынке труда.

В половине одиннадцатого показались наконец первые вестники блаженства: вереница фургонов на прицепе у грохочущих тягачей. Огромные фургоны были окрашены в красный цвет, на стенках белыми буквами сверкало: «Братья Берри, цирк». Дружный крик восторга вырвался из ребят, и все бегом пустились через поле навстречу фургонам.

— Я хочу работать! — кричал каждый. — Возьмите меня! Я сильный!

Но никто их не принимал, никто не обращал на них внимания, лишь изредка слышались окрики: «Берегись! Не зевай! Отойди!»

А фургоны всё прибывали, располагаясь на поле. Из них, словно рой пчёл, вылетали люди в рабочих комбинезонах и куртках. Не теряя ни минуты, они с лихорадочной быстротой брались за работу. Одни опускали боковые стенки фургонов, и тогда видны были брезентовые тюки свернутых палаток, огромный тюк циркового шатра, гигантские разноцветные шесты, другие взбирались на тягачи, чтобы пустить в ход лебёдки.

Братья Камбелл вместе с другими мальчиками металась от одной группы рабочих к другой и умоляюще, тоненькими мальчишескими голосами спрашивали:

— Вам не нужна помощь? Не возьмёте ли вы нас на работу? Вам не нужны мальчики?

Люди либо покачивали головой либо кричали: «Убирайтесь отсюда!»

Они не были злыми или грубыми, эти люди, ни в коем случае, просто им некогда было разговаривать. Они торопились. А фургоны всё шли, людей прибавлялось всё больше. И наконец появились, замыкая сказочное шествие, четырнадцать слонов. Каждый слон держался хоботом за хвост идущего впереди. Когда на землю сбросили свернутые палатки и два слона начали растягивать брезент, братьев охватило отчаяние. Алан опять захныкал:

— Вот увидишь, они нас не возьмут, мы им не нужны, всё это — враньё.

Эдди очень хотел бы утешить брата, хоть и сам нуждался в утешении, но ничего успокоительного сказать он не мог. Общим казалось, что эти люди нарочно не знут на помощь ребят. Неужели они не понимают своей выгоды?.. Вокруг такая уйма работы!

Оставаться на поле, заромождённом машинами, становилось опасно. Малышам всё чаще кричали: «Берегись!» Мрачные и молчаливые, братья Камбелл побежали в дальний угол, куда поставили неработающих слонов. Здесь Эдди и Алан пашли других ребят, обменялись впечатле-

ниями и выяснили, что ни один из мальчиков ещё не принят на работу.

Братья уселись на землю и начали разглядывать словов. Однако печаль и уныние всё больше охватывали Эдди и Алана.

— Я всё время говорил, — шептал Алан, — дети им не нужны. Пойдём домой.

— Домой? Зачем? Здесь веселее, чем дома, — возразил Эдди.

— Ничуть не веселее! Ведь цирк мы не увидим...

— Но мы же видим словов! Почему ты не смотришь на словов?

— Слоны мне надоели. Я хочу посмотреть клоунов, а раз я их не увижу, то нечего здесь оставаться.

— Ты не можешь пойти домой один. Перестань, не то я тебе дам по уху!

— Посмей только меня ударить, я маме скажу, — срывающимся голосом ответил Алан.

— Ну, перестань, не будь ребёнком! Ведь я тебя не бою! — угроивал Эдди. — Почему ты хочешь домой? Здесь ведь куда интересней. А вдруг они всё-таки позвуют нас на помощь... — Я хочу видеть клоунов, — скулил Алан.

Часы пробили одиннадцать. Мальчики раскрыли кулёк и съели по бутерброду.

На краю поля сидело много ребят, между ними было даже несколько взрослых. Слухи были самые разноречивые: одни говорили — цирк опоздал, дневного представления не будет, значит, мальчики не нужны. Другие утверждали — дневное представление состоится и помощь мальчиков необходима. Каждый желающий работать будет принят в двенадцать часов дня и получит не только бесплатный билет, но и доллар в придачу.

— Видишь, видишь, — торжествовал Эдди, — говорил я тебе, говорил, что надо подождать.

Алан приободрился. Но когда пробило двенадцать и ни одного мальчика не позвали на поле, он повесил нос и снова начал хныкать:

— Пойдём домой!

Вскоре на поле установили большую палатку. Подростки уверяли, что это кухня для цирковых артистов, что скоро будут разгружать стулья и скамейки и вот тогда-то позвуют мальчиков. Однако никто за ними не приходил, а когда двое подростков сунулись на разведку, их прогнали. После кухни установили палатку директора трушпы. Её полотнища надулись на ветру. То здесь, то там вырастали палатки с аттракционами, и наконец в час дня начали разворачивать огромный шатёр цирка. Это был волнующий момент, все зрители, как один, ахнули от восторга. Но ни для Кэмбеллов, ни для других мальчиков всё ещё не было работы.

С отчаянием следили мальчики за рабочими

цирка, — как они заколачивали по всему огромному полю колышки на одинаковом расстоянии друг от друга, как набрасывали на каждый колышек канатную петлю.

Братья молча сидели, прижавшись друг к другу. Свыше трёх недель их сердца замирали при мысли о блеске и великолепии этого дня. А сейчас как печально всё обернулось. И когда ещё через полчаса ожидания один из мальчиков встал и громко сказал: «Пойду погляжу, продают ли уже билеты на осмотр зверей», — братья посмотрели на спину убежавшего мальчика так, словно он был их личным врагом. Потом перевели друг на друга глаза, полные нетерпеливой печали, и в первый раз за свою юную жизнь поняли всемогущую, страшную силу денег.

А потом их позвали работать. Вдруг, откуда ни возьмись, появился высокий, благодушный в виду толстяк. На нём был костюм из синей ткани, весь в пятнах, пёстрый галстук слегка развевался на ветру, шляпа-панамы, сдвинутая на затылок, открывала лоб. Он вложил в рот два пальца, резко свистнул, засмеялся, глядя, как вскочили ошеломлённые мальчики, и громко закричал:

— Ребята, кто хочет посмотреть цирк?

Больше восьмидесяти мальчиков от пяти до шестнадцати лет в один голос гаркнули:

— Я!

Человек снова засмеялся, ещё раз пронзительно свистнул, требуя тишины, и сказал:

— Я так и думал. А ну, подходи поближе!

Ребята подлезли под канат и столпились во круг весёлого человека.

Ткнув пальцем в Алана, человек сказал:

— А тебе, малыш, сколько лет?

Алан замялся и вдруг совершенно неожиданно для себя соврал:

— Восемь.

— Тогда всё в порядке! Я только хотел убедиться, что тебе больше двух. Детей до двух лет мы на работу не принимаем.

Мальчики одобрительно захохотали. Человек смеялся вместе с ними. Внезапно он перешёл на деловой тон и снова свистнул:

— Спокойно!

На этот раз он смотрел на мальчиков серьёзно, лишь где-то, в уголках его широкого, с тонкими губами рта, таился смехок:

— Ребята, слушайте внимательно! Шутки в сторону! — Он поднял над головой красную карточку. — Когда наступит час открытия цирка, я дам каждому из вас такой билет. С ним вы бесплатно пройдёте на представление. За это вам надо только немного помочь в креплении канатов, потому что день сегодня ветреный. Ну, и стулья расставить. Всё это займёт у вас часок, в крайнем случае, полтора. — И, снова показывая на Алана, прибавил: — Разумеется, никто не счи-

гает, что у тебя такие же мускулы, как у взрослых. Будь вы все постарше, вам было бы легче; но что поделаешь, вы ещё не выросли. И ты, малыш, получишь билет наравне с другими, если выполнишь свою долю работы.

— Уж я постараюсь! — горячо воскликнул Алан.

— Хорошо! И повезло же вам сегодня, ребята! Здорово повезло! Бывают дни, когда у нас нет задержек в пути, и мы можем начать во-время; тогда дела хватает для двадцати — тридцати ребят, не больше. Но сегодня мы запоздали, и нам может пригодиться каждый из вас.

Он умолк. Окружавшие его мальчики ликовали.

— Слушайте, ребята! Давайте по-честному! Все ваши увёртки мне известны. Шестнадцать лет я работаю в цирке, из них девять с ребятами. Моя фамилия — Пушер¹. Если вам надо что-нибудь спросить, обращайтесь ко мне. Есть мальчики, которые, проработав двадцать минут, залезают под палатку. К концу работы они являюся и просят дать им билет. Такие билетов не получают. Есть мальчики, которые не знают, что значит честно трудиться, и бросают работу задолго до конца. Они тоже билета не получают. Бывают ещё мальчики, которых, скажем, сейчас среди вас нет, но через два часа они появятся и будут уверять, что работали всё время вместе с вами. Но они не знают меня. Давайте по-честному! Для бездельников у меня нет бесплатных билетов. Знаете, почему ребятами руковожу я? Потому что у меня

прекрасная зрительная память. Я запоминаю каждое лицо. Я уже изучил ваши лица, и никто меня не обманет. Понятно?

Мальчики в один голос закричали:

— Мы всё поняли, можно начинать!

— Тогда пошли! — И вместе с мальчиками Пушер собачьей рысцей побежал к директорской палатке.

Братья Кэмпбелл старались не потерять друг друга в толпе мчавшихся мальчиков. Их глаза сверкали от восторга. Когда они добежали до циркового шатра — до него было ярдов сорок, — Пушер тяжело дышал, его грудь часто вздымалась и опускалась, капли пота текли с висков на мясистые щёки. Весело улыбаясь, он сказал:

— Так лететь, как вы, ребята... я не могу... не в силах! Но сегодня мы ужасно запаздываем. Всею виною ветер. — Он вдруг погрозил мальчикам негнущимся пальцем и заворчал: — Если вы не будете быстро и усердно работать, дневное представление сорвется. Игак, покажите, что вы умеете! — Он вложил два пальца в рот, пронзительно свистнул и закричал: — Лерри, чёрт подери! Как там у тебя с канатами?

Небритый молодой человек со взъерошенными волосами, в грязных штанах цвета хаки выбежал из директорской палатки. Пушер с возмущением указал на дрожавшие под ветром брезентовые стенки и раздражённо спросил:

— По-твоему, пусть палатка летит к чёрту? Ведь я тебе говорил, — надо натянуть канаты!

— Я не могу всюду поспеть, — отгрызнулся Лерри, — а тут ещё Джо велел подбросить корму антилопам.

— И полюбились же ему эти антилопы! Натягивай канаты, пока палатка не улетела. Проклятые господа!.. Вы, ребята, — он показал обеими руками на группу из шести ребят, среди которых были и Кэмпбеллы, — вы слушаетесь моего друга Лерри. Делайте всё, что он прикажет. А я побегу.

— погоди, Пушер, а как насчёт атлетов тяжёлого веса? Ты ведь мне обеща! — спросил Лерри, мрачно глядя на кучку ребят, в которой был только один коренастый, сильный парень лет пятнадцати. — Или пары волов?

— Обойдись как-нибудь. Это не единственная палатка, Лерри! Бегу! Я должен ещё расставить стулья. Или ты думаешь, что стулья сами встанут на место?

На ходу Пушер крикнул мальчикам:

— Когда справитесь, приходите, я дам вам билеты. Начинайте поскорей! — И он умчался, а за ним той же собачьей рысцей побежала часть мальчиков.

— Эдди, Эдди, — торжествующе шептал Алан, — ведь я тебе говорил, видишь, я не слишком мал...

¹ Пушер — по-английски толкач, погоняла.

— Ты должен как следует работать, Алан,— наставлял его Эдди.— Не надо их раздражать!

Лерри полунасмешливо-полушутливо сказал оставшимся мальчикам:

— Ну, господа подёнки, начнём! Становись по трое по обе стороны каната, самые маленькие, ко мне!

Ребята стали в ряд и с жаром ухватились за тяжёлый канат. Лерри нагнулся над колышком и ловко развязал петлю на конце каната, который тянулся от стенки палатки до колышка. На свободном конце он сделал морскую петлю и набросил её на колышек, крепко держа канат обеими руками.

— Приготовились, начали!

Ребята потянули канат изо всех сил. Лерри всё время подбодрял их:

— Взались!.. Крепче!..

Ребята снова налегали, и брезентовая стенка на их глазах натягивалась, пружинила.

— Крепче! Держать крепче! — кричал Лерри, затем быстро затягивал петлю и переходил к следующему колышку.

Пока он развязывал очередную петлю, Алан успел шепнуть стоявшему рядом Эдди:

— Спроси его, покажет ли дрессированных собак?

— Тсс... ему нельзя мешать!

Снова раздалась команда:

— Взались! На-а-а-а!

Ребята опять потянули канат.

— Взались! Крепче! Стой!

От второго колышка они перешли к третьему, четвёртому, к пятому. У братьев довольно быстро прошло увлечение работой. Это был труд, тяжёлый труд. Толстый манильский канат приходилось тянуть изо всех сил. Палатку качал ветер. От солнца, дождя, от времени канат растрепался, отрубал. Пеньковые колючки впивались в кожу, сдирали её. Нежные ладони ребят были растёрты до крови. У Алана отяжелели руки, запыли пальцы. Двойной ряд колышков вокруг шатра казался бесконечным, а Лерри непрерывно подгонял:

— Приготовились, взались, крепче!

— У меня болят руки,— неожиданно вывалил Алан.

— Погляди на них,— посоветовал Лерри,— не давай им нагреваться.

Все мальчики пошевелили на руки и с новым приливом бодрости принялись за работу. Но бодрости хватало ненадолго. Средство, рекомендованное Лерри, оказалось не таким уж чудодейственным. Они в этом быстро убедились. Распухшие руки невыносимо горели. Мальчики тянули канат всё медленнее.

— Эй вы,— кричал Лерри,— тяните крепче, скоро кончим, чего канителишь?!

Мальчики заблудились в джунглях канатов и колышков. Дыхание стало прерывистым. Они часто моргали, потому что глаза пощипывало от солёного пота, затекавшего в уголки. Колени мальчиков дрожали от напряжения. Гибкие, молодые тела, неумолимые в играх, но не привыкшие к тяжёлой работе, нуждались в передышке.

— Взались! Крепче! — командовал Лерри.

Измученный Эдди Кэмпбелл, чувствуя, как он устал, начал беспокоиться о брате. Если Алан бросит работу, его прогонят. Что делать тогда ему самому? И хоть Эдди побаивался этого Лерри, он всё же решился спросить:

— Послушайте, сэр, нельзя ли на минуту сделать перерыв?

Лерри выпрямился, улыбнулся не без сочувствия.

— Мы дошли только до середины, ребята!

Старший мальчик лет пятнадцати пошевелил свои широкие ладони и хвастливо заявил:

— Я не устал!

— Ну, если ты не устал, то я устал,— сказал Лерри.— Что ж, ребята, передохнём!

— Ну, как ты? — озабоченно спросил мальшка Эдди.

— Ужасно устал,— признался Алан.

— Я тоже. Ты только не бросай работу, слышишь?

— Ах нет! Ведь мне хочется посмотреть клоунов.

— Вот это правильно, молодец парень!

— Эдди, а у тебя болят руки? У меня болят ужасно. Погляди, какие волдыри.

— У меня тоже руки болят. Только не вздумай бросить, слышишь? Мы уже половину сделали.

— Нет, я не брошу.

Кто-то из мальчиков спросил:

— Послушайте, мистер Лерри, не знаете ли, который час?

— Третий, — буркнул Лерри, — за дело, ребята!

— Но представление начинается в половине третьего, а?

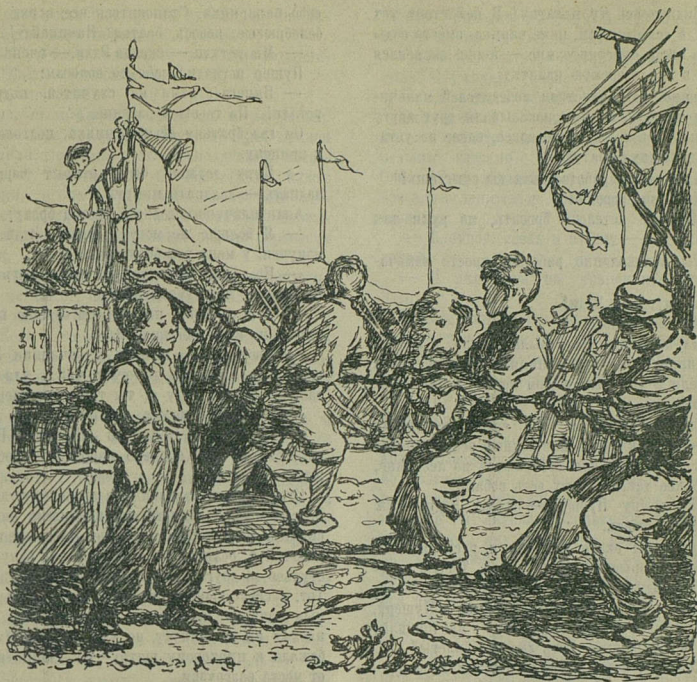
— В этом году оно ещё ни разу не начиналось в половине третьего. А сегодня, я думаю, начнётся в четыре.

— А мы успеем посмотреть уродцев, зверей и всё такое? — тревожно спросил Алан.— Имеем мы на это право при бесплатных билетах?

— Не знаю. Этот проклятый цирк принадлежит не мне, я тут не хозяин,— резко ответил Лерри.— Эй, ребята, взались? На-а-а-а! Крепче! Крепче!

Все снова принялись за работу. Усталость Алана сменилась бессилием, а бессилие — полным изнеможением. Он слышал прерывистый шёпот Эдди:

— Ну, малыш, нажми ещё немножко.

Но Алану было невмоготу. Так горели ладони, так ныли словно налитые свинцом руки, что боль взяла верх над самолюбием и гордостью — он отпустил канат.

— Не бросай, — умолял Эдди. — Прошу тебя: потерпи, очень прошу.

— Не могу.

— Садись, малыш, — вмешался Лерри, — всё равно от тебя никакого проку.

— Но тогда ты останешься без билета! — в отчаянии крикнул Эдди. — Прошу вас, сэр, позвольте ему продолжать работу.

— Нустики, об этом не стоит беспокоиться. Думашь, я тебя подведу? За кого ты меня принимаешь? — и, повернувшись к Алану, Лерри прибавил: — Держись поближе к нам, тогда Пушер ничего не заметит, вот и всё. Эй, ребята, взялись! Кре-еще!

— Вот хорошо! Спасибо! — крикнул Эдди.

— Приготовились! Взялись! На-ажали!

Наконец они справились с работой. Все канаты были туго натянуты.

— Готово! — сказал Лерри. — Установили! — Он тихо и обрадованно засмеялся, глядя на ребят.

Пятнадцатилетний паренёк держался неплохо, зато остальные просто валились с ног. У всех руки были в волдырях.

— Что, измотались? — спросил Лерри, кривя в усмешке рот. — Ну, а теперь катитесь к Пушеру и получайте свои билеты. Надеюсь, билеты стоят работы.

— А я не устал, — бахвалился пятнадцатилетний. — Я привык к тяжёлой работе.

— Тем лучше для тебя, сынок!

— Большое спасибо, — бормотал Эдди, — благодарю вас за брата.

Лерри дал ему легонько пинка под рёбра.

— Кто знает, может, и ты когда-нибудь поможешь мне, — вздохнул он.

— Очень пить хочется, — сказал Алан, — нельзя ли достать воды?

— Видите вон ту палатку? В ней стоит мех с водой. А если вы там, паче чаянья, вместо воды найдёте пиво, свистните мне,— Терри засмеялся и ушёл в директорскую палатку.

Медленно, но с чувством победителей мальчишки шли через поле. Они показывали друг другу выдирки и хвастали, будто вовсе, вовсе не устали. Алан шепнул брату:

— А хорошо я работаю, как ты считаешь?

— Конечно, хорошо!

— Мне не хотелось бросать, но руки так выпли...

— Ты великолепно работал, просто замечательно.

— А ты устал, Эдди?

— Ну да, немного.

Ребята напились. Вода была тёплая, с неприятным привкусом. Они вышли её залпом, снова повеселели и быстрым шагом пошли к директорской палатке.

— Спроси Пушера о собаках,— сказал Алан.— После клоунов мне больше всего хочется увидеть собак, как они взбираются по лестнице, ну и всякое такое. У них есть собаки?

— Я спрошу Пушера,— сказал Эдди,— уж он-то должен знать.

Пушер стоял около прицепа и распоряжался ребятами, которые таскали стулья. Тесной кучкой, с пятнадцатилетним подростком во главе, Алан, Эдди и другие мальчишки подошли к Пушеру.

— Пушер,— сказал подросток,— мы пришли. Банаты мы укрепили. Есть для нас билеты?

— Конечно, есть,— весело ответил Пушер,— только вот возьмите ещё стулья, беритесь вдвоём за связку и тащите в главный шатёр.

— Вы считаете, что мы должны ещё работать? — робко спросил Эдди.

— Стулья необходимо расставить. Какое же представление, если сидеть не на чем? Пока внесли только половину. Ну, начинайте, стулья нетяжёлые.

— Вы обещали, что мы получим билеты, когда установим палатки,— настаивал подросток, и в голосе его звучал упрёк.— Почему вы нам не даёте билетов?

— Скажите, пожалуйста,— разозлился Пушер, и улыбка исчезла с его лица,— ещё чего не доставало? Ты будешь мне указывать! Я отвечаю за то, чтобы стулья были на месте. Понятно? Я не виноват, что сегодня так ветрено. Нам тоже было нелегко. Мы, как и вы, крепили банаты. Право же, ребята, вам повредно ещё поработать. Или вы так разленились, что не можете управиться с несколькими стульями? Да или нет? Решайте! Да или нет?

— Ладно, сделаем,— пробурчал подросток.

— Вот это правильно! Пусть каждый выберет

себе вапарника. Становитесь все в ряд Эй, вы, белокрысы, небось, братья? Начинайте!

— Мы устали,— сказал Эдди,— очень устали. Пушер поглядел себя по волосам:

— Ничего с вами не случится, подумаешь, устали!.. На то вы и рабочие, а?

Он дал братьям лёгкого пинка, подтолкнув их к прицепу.

— Цирк должен быть открыт через пятьдесят — двадцать минут.

Алан плачущим голосом сказал брату:

— Я больше не могу работать, Эдди. Я так измучен, у меня так болят руки...

— Но, Алан, ведь только пятнадцать минут. Он сказал, что стулья лёгкие.

— А я не могу, ни минуты больше не могу, совсем не могу работать, Эдди.

— Послушай,— шептал в отчаянии Эдди,— но ведь ты можешь работать так... для виду... таскать стулья буду я, ты только придерживай.

— Попробуй, может, для виду смогу.

— Начинать! — кричал Пушер.— Быстрее разделаемся. Вон сколько набралось народу, все ждут открытия.

Стулья были навалены на прицепе штабелями. Деревянные, с откидными сидениями, они были связаны по три штуки вместе. На прицепе стоял рабочий и, обливаясь потом, подавал одну связку стульев за другой шестнадцатилетнему крепышу. Тот, в свою очередь, передавал стулья выстроенным попарно мальчишкам. Каждая пара, подгоняемая ни на минуту не умолкавшим Пушером, бежала к цирковому шатру — в двадцати ярдах от места разгрузки.

— Поворачивайтесь быстрее! Прибавьте-ка жару! Неслышно запаздываем! Сами пожалеете, если представление не состоится! Эй, вы, братья, ваша очередь, хватайте стулья!

Эдди обеими руками поймал связку стульев, Алан поднял руки, насколько ему позволяли усталые мускулы, ухватил кончик ножки, и оба побежали. Голос Пушера будто подталкивал их в спину. Задыхаясь, ребята вошли в большой шатёр цирка. Там была полная неразбериха. Хлопали стулья, рабочие суетились, перекладываясь между собой, под самым куполом укрепляли штанги, на отгороженной площадке музыканты, одетые в форму, настраивали свои инструменты, и те издавали нестройные звуки. Чей-то голос крикнул:

— Не останавливаться! Неси стулья вон туда!

Ребята взобрались по доскам покато го пола на самый верх; там стояли люди, расставлявшие стулья. Братья отдали свою ношу и бегом ринулись назад. По дороге они столкнулись с другой парой носильщиков, чуть не попали под тягач.

— Давай отдыхать дорогой,— предложил Эдди.

Они замедлили шаг, но их тут же, словно бичом, подхлестнул помощник Пушера:

— Эй, ребята, работаете вы или лодырни-чае? Не бездельники не нужны.

Братья побежали.

Сперва были джунгли канатов и колышков, сейчас — гора связанных стульев. Один грицеп разгрузили, но рядом стоял, ожидая своей очереди, другой. Работа была не так тяжела, как с канатами, и на обратном пути ребята всётаки отдыхали, но они уже с трудом держались на ногах: они замучились ещё до переноски стульев.

Алан всё время твердил, что должен присесть, что он не может, просто не может больше.

Эдди умолял брата:

— Если ты сядешь, они тебя прогонят. Ведь я за тебя всё делаю. Разве тебе не хочется посмотреть клоунов, таких смешных клоунов? Разве нет, Алан?

Эдди сам был почти так же измучен, как и брат. От усталости их лица стали белыми, как творог, светлые волосы слиплись от пота. И только ненависть к Пушеру помогала им кое-как держаться. Они ненавидели его от всей души, и это помогало. Они не могли заткнуть уши, чтобы не слушать его противного голоса, и это тоже помогало.

— Вы только полюбуйте́сь на них, — орал Пушер, — хотя бесплатный билет! А за что, спрашивается? Устал, говорит, как вам это нравится? Работать хочет, а вот чуть устать — этого он не хочет. Ну, что ж, бросай работу, малыш! Бросай и уходи! У меня ты билета не получишь. Слушайте, ребята, через десять — пятнадцать или двадцать минут откроется цирк. Хотите получить настоящие цирковые билеты — тащите стулья! Осталась половина прицепа, последняя половина. Ничего с вами не случится, если вы маленько поработаете. Тренировка — хорошее дело, ха-ха! Вы бегите, а я вас буду подгонять, ха-ха! Такой уж в мире заведён порядок. Тащите стулья, ребята!

Когда разгрузили второй прицеп и поставили на место последние стулья, было пять минут пятого. Приводили в порядок манеж, посыная его свежим песком, играла музыка. Ребята стояли в ожидании билетов. Пушер построил их в очередь. Старшие бодрились: «Да, сегодня мы неплохо поработали». Или: «Я бы непрочь поездить с таким цирком». Маленькие от усталости молчали, но и они были полны гордости и торжества. А Пушер весело говорил:

— Ребята, кто придет сегодня ночью к одиннадцати часам выносить стулья, тот получит деньги, полную пригоршню монет. Не опоздайте,

ребята! Приходите во-время! А теперь веселись: такого цирка вы ещё не видели!

Словно в забытии, братья Кэмбелл вошли в цирк. Служитель сказал:

— Эй, ребята, те, что работали, вон туда!

Они прошли в указанный ряд, нашли свои места и сели друг подле друга поникшие, с ослепительными глазами. Цирк наполнился людьми. Оркестр играл размашисто и шумно, прожекторы бросали ослепительно яркий свет на манеж. Алан бормотал:

— Клоунов, собак и пушку — вот что я хочу видеть.

— И акробатов на трапеции, — проментал Эдди.

Больше они не разговаривали, потому что от усталости не могли говорить. Слепящий свет резал глаза, их измученные тела обмякли от жаркой температуры шатра. Потом музыка заиграла тише, из микрофона раздался голос диктора, но мальчики немного поняли из того, что он говорил. Снова оглушительно заремел оркестр, на арену выбежали танцовщицы-индианки. Довольно долго — так, по крайней мере, показалось мальчикам — они кружились перед публикой, подымая и опуская извивавшиеся, как змеи, руки. После них появились слоны. Ребята уже видели слонов и теперь, как ни старались, не могли внимательно следить за ними. От усталости они всё время клевали носом. Наконец, не выдержав, оба брата свесили головы на грудь, опёрлись друг на друга и крепко уснули.

— Посмотри, — сказал своему помощнику Пушер, — ты только посмотри на них. Всегда та же самая история. Бьёшь об заклад, что все малыши крепко спят, а остальные не соображают, что они видят.

— Ты сильно их сегодня погонял, Пушер; правда, мы запаздывали, — ответил помощник.

— Я их погонял? Что же, по-твоему, ветер поднялся тоже по моей вине? Должен я выполнить свою работу? Что, нет? Эти ребята так с ума сходят по цирку, что сами умоляют взять их на работу. Ну, к чёрту! Главное, что мы успели дать дневное представление. Да ещё какой сбор! Нет, ты взгляни на них, — сказал ещё раз Пушер, — смешные ребята!

Они проснулись от страшного толчка. Это выстрелила пушка. Как в тумане увидели они фигуру человека в маске под самым куполом цирка. Он вылетел из пушки, перекувырнулся в воздухе и упал в сетку. Зрители вскочили со своих мест, оглушительно захолопали. Представление кончилось. Публика начала расходиться.

Братья Кэмбелл вместе с другими пошли домой.

Перевела Л. Лежнева

Участники фестиваля в Берлине поют Гимн демократической молодёжи.

ПЕСНИ, ОБЛЕТЕВШИЕ МИР

Виктор Хмара

Это было вскоре после окончания второй мировой войны. В Лондон на Всемирный конгресс молодёжи собрались представители шестидесяти трёх стран. Разными путями, преодолевая множество препятствий, прибыли они на конгресс, чтобы заложить основы Всемирной федерации демократической молодёжи — боевого штаба всей свободолюбивой молодёжи мира. Их привело сюда стремление к миру, к свободе, к счастью.

С глубоким волнением и радостью встретили участники конгресса появление советской делегации. И каждому в зале было понятно, почему. Потому, что советский народ и его молодёжь показали всему миру, как нужно отстаивать свою свободу и независимость, как нужно бороться против фашизма до его полного уничтожения.

Советские делегаты никогда не забудут встречу с английской молодёжью на площади принца Альберта. Была уже поздняя ночь. Однако тысячи английских рабочих, студентов, школьников, солдат и моряков терпеливо ждали окончания работы конгресса. Распахнулись двери. Одна за другой стали выходить делегации. Из толпы крики: «Кто идёт?»

Идут бельгийцы, французы, американцы, мексиканцы, индийцы, австралийцы... Но вот в дверях появляется наш знаменосец, прославленный лётчик, дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка. В руках у него государственный флаг СССР.

При виде алого полотнища тысячи англичан ринулись навстречу советской делегации. Крики «ура», объятия, приветствия, обмен автографами... И вдруг,

покрывая этот радостный шум, откуда-то из глубины площади поднялась знаковая, близкая сердцу каждого советского человека мелодия. На английской земле, под английским небом, на английском языке нарастала и крепла могучая, как Родина, наша, советская песня: «Широка страна моя родная...» Её пели докеры Лондона, моряки Ливерпуля, металлисты Шеффилда, шахтёры Уэльса, пели студенты и школьники. Её пела вся площадь. Как мрачные изваяния, стояли в стороне полицейские. Они бессильны были задушить песню.

Песня не знает границ. Вот уже рядом с нами её поют негры, малайцы, индонезийцы, итальянцы, австрийцы... Песня сроднила, сблизила разноязычных, разноплеменных людей, она стала паролем дружбы и единства.

Взволнованные этой встречей с друзьями, мы подъезжали к гостинице. А у подъезда нас уже ожидала новая группа английских юношей и девушек. Они пришли сказать нам о своей любви к Советской стране и, не находя слов, запели: «Полюшко, поле...»

Песня не нуждается в переводчике. Понятно и без слов — это наши друзья!

Нет сейчас в мире такой страны, где бы не знали, где бы не любили советскую песню. Миллионам простых людей она раскрывает окно в широкий, светлый мир — в страну социализма, где простой человек стал хозяином жизни. Наша песня рассказывает о самых счастливых людях в мире, о советских людях. С такой песней крепнет воля к борьбе, вера в победу.

Я был на концерте греческой делегации в городском театре Будапешта. Поднялся занавес, и на сцену вышли солдаты и офицеры греческой Народно-освободительной армии, партизаны, юные пионеры. Всего за несколько дней до этого они приехали из своей измученной, залитой кровью страны. Всего несколько дней назад среди родных гор они сражались против фашистов.

Зал взорвался бурей аплодисментов. Все хотели выразить молодым героям Греции свою любовь и дружбу. На сцену летели цветы, на всех языках звучали слова привета.

Взволнованные этой братской встречей, мужественные, суровые бойцы не могли скрыть слёз.

Делегаты Китайской Народной Республики приветствуют молодёжь Берлина.

И вот они запели свой гимн — гимн греческой Народной армии, а как только смолкли его последние слова, зазвучал Гимн Советского Союза:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Греки пели по-русски. Они точно хотели сказать: вот где спасение, свобода и счастье, вот кто несёт миру мир!

Советские песни так хорошо известны за рубежом, что люди разных стран часто считают их своими народными песнями и даже спорят: «Ну что вы, это наша песня, мы её сколько лет поём...»

Как-то в городском парке Будапешта мы встретили группу юношей и девушек Швейцарии. Они шли в обнимку и пели на французском языке песню советского композитора Шостаковича: «Не спи, вставай, кудрявая...» Мы спрашиваем: «Что это за песню вы поёте?» Один из делегатов отвечает: «А это песня одиннадцатого кантона Швейцарии». Спрашиваем: «Что же, её ещё где-нибудь поют?» «Да, её поют в Англии, во Франции, в Бельгии... Нам даже говорили, будто бы эту

нашу народную песню поют и в Советском Союзе».

Необычайный путь проделала советская песня «Партизанская-дальневосточная». Её пели испанские антифашисты, греческие партизаны, её сегодня поют во Вьетнаме, в Корее. При необычных обстоятельствах нам снова пришлось с ней встретиться в Венгрии. Мы были в гостях в одной из сельскохозяйственных артелей. После осмотра хозяйства молодые члены артели попросили нас послушать венгерские народные песни. И неожиданно запели «Партизанскую-дальневосточную». Мы удивились: «Так это же наша песня — дальневосточная». С нами заспорили: «Да здесь ни слова нет ни о Дальнем Востоке, ни о партизанах. Это венгерская песня о нашей мирной, счастливой жизни». Оказывается, текст у песни свой, а советская музыка, советская мелодия сохраняется.

Но больше всего молодые борцы за мир любят Гимн демократической молодёжи советского композитора Анатолия Новикова. Нет в мире страны, молодёжь которой не дела бы этот гимн. Мы слу-

шали, как пели его мальгаша с Мадагаскара, индийцы, вьетнамцы, бирманцы, бразильцы, французы, англичане...

В Берлине на Третьем Всемирном фестивале молодёжи мы торжественно поклонились в верности миру. На площади Маркса и Энгельса собралось более миллиона человек — посланцев ста пяти стран. Трижды вздымался к небу миллион сжатых кулаков в знак того, что молодёжь никогда и никому не позволит закрыть мирный небосвод дымом новых пожарищ. Каждый на своём языке трижды повторил:

«Клянёмся! Клянёмся! Клянёмся!»

И как продолжение этой клятвы миллион голосов на языках всех народов мира запел Гимн демократической молодёжи:

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живём,
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идём!

Песня вливала бодрость, волю к борьбе за правое дело мира, веру в то, что мир победит тёмные силы войны.

МАРШ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ПЕСНЯ *

Е. Долматовский

Музыка С. Туликова

Мы живём под солнцем золотым,
Дружно живём.
Мы горды Отчеством своим,
Любим свой дом.
Мы горды Отчеством своим,
Все пути открыты молодым.
Светлые края — Родина моя,
Всюду у тебя друзья!

Припев:

Мы все за мир!
Клятву дают народы.
Мы все за мир!
Пусть зеленеют всходы!
Мы все за мир!
Реют знамена свободы.
Молодость цветёт,
Молодость зовёт,
Молодость идёт вперёд!

Молодёжь отвагою полна
В нашей стране.
Молодёжь, как сталь, закалена
В буре, в огне.

Молодёжь, как сталь, закалена,
Стройкой мира занята она.
Светлые края — Родина моя,
Всюду у тебя друзья!

Припев:

Молодёжь любовь к вождю несёт
В сердце своём.
Сталин нас в грядущее ведёт
Верным путём.
Сталин нас в грядущее ведёт,
Коммунизм построит наш народ.
Светлые края — Родина моя,
Всюду у тебя друзья!

Припев:

Мы все за мир!
Клятву дают народы.
Мы все за мир!
Пусть зеленеют всходы!
Мы все за мир!
Реют знамена свободы.
Молодость цветёт,
Молодость зовёт,
Молодость идёт вперёд!

* Ноты к этой песне помещены на странице 53

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Н. Ночергин.

В. И. ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

В. Серов.

БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Продолжение)

Повесть Л. Воронковой

Рисунки Ф. Лемкуля

НОВЫЕ ЗАКОНЫ

Всего три дня пробыли в костромском колхозе дед Антон и Настя да два дня в дороге, а дома их уже ждали и дожидаться не могли. Особенно, конечно, ждали их на молочной ферме. Часто то тут, то там слышались негромкие разговоры:

— Интересно, что наши, когда приедут, рас-

скажут! Посмотрим, чья возьмёт. Неужели старуха покорится?

— Ой, не покорится! Уж она теперь, хоть и увидит белое, а всё будет твердить, что это чёрное. Из-за характера одного и то не покорится!

Катерина слышала разговоры доярок, но сама в эти разговоры не вмешивалась.

На пятый день после отъезда деда Антона до-

ярка Тоня сказала, искоса поглядывая на Катерину своими узкими глазами:

— А за нашими посланцами на станцию лошадь пошла. Едут.

— В добрый час, — ответила Катерина, прощивая молоко.

— А тебе неужели всё равно? Вдруг окажется, что в книжках-то ваших одно написано, а на деле другое? Ведь Настюшка соврать-то не даст!

Катерина подняла на Тоню спокойные глаза: — Дед Антон и сам врать не будет. Зачем ему?

— А тебя, может, вздумает выгораживать. Вот не спросилась броду, сунулась в воду. Вспоножила всех, а, может, всё зря.

— Ну что ж. — сдержанно ответила Катерина, — на ошибках учимся, — и, взяв подойник, поспешила отойти от Тони.

Но хоть и ровным голосом разговаривала Катерина, хоть и спокойно глядели её серые глаза, однако в душе уже чувствовалась тревога. С каждой минутой эта тревога, непонятно почему, становилась всё тяжелее, всё беспокойней.

Убравшись в коровнике, Катерина забежала к своей подруге Анке Волнухиной. Анка только что вернулась с поля — полола пшеницу — и, стоя на крыльце, мыла коричневые от молодой руки. Она уже успела загореть, и вздёрнутый нос её чуть-чуть облунился. Анка увидела Катерину, и тотчас её крупные красные губы заулыбались, и в карих глазах заблестели огоньки. Но озбоченный вид Катерины тотчас погасил и огоньки и улыбку.

— Случилось что-нибудь? С коровой?..

— Да нет. — успокоила её Катерина, — что ты! Ничего не случилось.

Анка выплеснула воду за крыльцо и крепко вытерла руки чистой холщёвой тряпкой.

— А всё-таки что-то случилось, — сказала она и, сбегав с крыльца, потянула Катерину на скамеечку в палисадник. — Ну, говори!

— Ты знаешь, Анка, я боюсь... — начала Катерина, — ох, я что-то боюсь!

Анка подняла брови:

— Чего? Кого?

— А вдруг, и правда, дед Антон зря проездит? Вдруг всё это так, пустяки? Ох, и стыд тогда будет!

Катерина закрыла лицо руками.

— От одной Марфы Тихоновны по улице не пройдёшь!

— Ну вот ещё! — Анка махнула рукой. — Есть о чём думать! Да и что за стыд? Ты не сама выдумала, всё это в книжках написано. И Степан Никитич не глуше тебя — он же дела

Антоня послал. Да и дед Антон сам хотел ехать. Значит, теперь вам всем трём по задворкам бегать? Выдумала!

Катерина живо представила, как все трое — и она, и председатель, и дед Антон — бегут по задворкам, прычась от Марфы Тихоновны, и засмеялась, уронив руки на колени...

Ждала дела Антона и Настю и Марфа Тихоновна. Она никому ничего не говорила, но плотнее поджимала сухие губы да поглядывала на дорогу зоркими блестящими глазами.

Но тревожнее всех поджидала путешественников бабушка Анна. Кострома казалась ей каким-то дальним, неизвестным городом, чем-то вроде Иркутска — заедешь, так ещё неизвестно, выедешь ли. Целый день хлопотала она по хозяйству, но дед Антон ни на минуту не отлучался из её мыслей.

«Теперь, небось, завтракают, — думала бабушка Анна, садясь утром за самовар. — Что едят-то, интересно? Может, ещё и чайку-то им никто не согрет. А старик любит крепкий. Ну, кто там будет спрашивать, какой он чай любит!..»

А теперь, небось, спать легли. — думала она вечером, ложась в постель. — А может, и не легли. Может, ещё и лечь негде... Ах, старик, старик, и куда тебя в такую думу понесло!..»

И с каждым днём думы у бабушки Анны становились всё мрачнее: уж и заболел дед Антон, свалился на чужой стороне. Вот уж и бык на него напал — там ведь быки-то, чай, здоровенные, а дед вечно к быкам без хворостины суеться. Ну, а Настюшка что? Плачет, небось, и домой ехать боится.

И лишь тогда успокоилась бабушка Анна, когда пошла за дедом и Настей лошадь на станцию. Совно лет двадцать свалилось с её плеч, так она засушитель, так захлопотала. Приготовила самовар — только дунчику сунуть. Собрала на стол, нарезала хлеба и вышла на крыльцо, подпёрлась рукой, поглядывает маленькими выцветшими глазами на дорогу: не едут ли? А уж тревога опять напёщивает своё: запрягли жеребца Бедового, а он с горы подхватистый. Может, уж разнёс их да разбил. И зачем было запрягать Бедового? Как будто нет на конюшню лошадей помирнее! Запрягли бы клячу какую, она бы шагала да шагала — перед кем старому выставяться?.. И опять смотрит на дорогу: ох, не пойти ли навстречу, сердце сжимается, силы нет!

И вдруг лицо бабушки Анны просияло, маленькие глаза засветились, маленький красивый рот сложился в улыбку. Едут! Бодрым шагом, помаленьку, идёт Бедовый, младший конюх Тимоша вранит, а дед Антон сидит важно, поглядывает по сторонам, будто сто лет не видел свою деревню. И Настя с ним. Притулилась к де-

довой спине и смеётся, перекликается с левчущами, которые выбежали им навстречу.

— Ну, вот и ладно,— облегчённо вздохнула бабушка Анна.— Живы-здоровы! — и тут же твёрдо решила: — Больше я своего деда никуда не пушу!..

На другой же день на колхозном собрании дед Антон Шерабуров докладывал о своей поездке в Остроум. Дед Антон сидел за столом рядом с председателем. Тут же сидела со своей тетрадкой в руках Настя Рублёва. Если дед что забудет, так она сейчас же взглянет в тетрадку и подскажет.

Но дед Антон не забывал ничего. Он отчётливо изложил, как устроено хозяйство молочной фермы Малининой, как оплачивается работа доярке и телятнице, какие поощрения у них введены, как устроены пастбища, какой у них севооборот, что сеют на корма, как разделяют луга под пастбища, корчуют пни, расчищают кустарники... Приводил точные цифры доходов этой фермы и заработка доярок и телятниц, называл цифры великодушных удаев...

Насте иногда казалось, что дед забыл о чём-нибудь упомянуть:

— Дедушка, а вот привес телят...

Но дед Антон останавливал её:

— Знаю, знаю. Всё по порядку... — И, когда наступала очередь, так же обстоятельно рассказывал о привесе и о том, сколько телятницы получают за привес и каких телят выращивают.

Колхозники, особенно работающие на молочной ферме, с большим интересом слушали деда Анто́на. Катерина не спускала с него больших блестящих глаз и, чувствуя, как речи деда Анто́на слово за словом укрепляют её победу, понемногу заливалась румянцем.

Марфа Тихоновна тоже была на собрании. Она сидела, облокотившись на край стола, и слушала, не поднимая глаз. Доярки и телятницы украдкой поглядывали на неё, стараясь угадать, что она сейчас думает и что она скажет в ответ деду Анто́ну. Но лицо Марфы Тихоновны, с гордым профилем и твёрдо сжатым ртом, было спокойно и непроницаемо.

Когда речь шла о телятах, председатель не выдержал, спросил:

— Ну, так как же, старик, правда, что ли, что у них телятники холодные?

— Правда,— ответил дед Антон,— совсем не отапливают телятники, оттого и телята не дохнут. А раньше тоже болели да дохли. Помногу погибало телят. Не лучше нашего.

Тут в первый раз Марфа Тихоновна вскинула глаза на деда Анто́на.

— А ты откуда знаешь? — жёстко спросила она.— Летом-то и у нас не отапливают. А зимой ты там не бьл. Своими глазами этого не видел, а если говорят... так сказать всё можно!

— А как же там будут топить, бабушка? — вдруг тоненьким, но звонким голосом произнесла Настя.— Как же там будут топить? Там и печек-то нету! Там совсем печек нету, это я своими глазами видела!

Настя сказала и тут же, встретив бабушкин взгляд, смутилась. Ну, что ж, вот так и случилось всё, чего она боялась: перед всем колхозом отступилась от бабушки! Что теперь будет дома? Что бабушка скажет ей? Вон как нахмурились у неё брови, и какая горькая морщинка появилась у рта!

Настя растерянно отвела глаза от бабушки, взглянула на того, на другого и вдруг встретила ласковый и светлый взгляд Катерины. Катерина улыбалась, одобряя и поддерживая её. Настя успокоилась. Ну, что ж делать? Бабушку жалко, конечно, жалко. Но ведь не может же Настя сказать неправду? Нет, не может! И это — главное. А что будет дома... Ну, что ж! Придётся выдержать.

Когда дед Антон закончил доклад, сразу поднялся говор:

— Слыхали? По двенадцать тысяч литров надаивают! А у нас хорошо, если какая две тысячи надойт, а то одну да полторы!

— Много ещё от ухода зависит, товарищи! Не будем зря говорить, порода породой, но и уход у них, слышали, какой?

— У меня вопрос! — сказала Марфа Тихоновна.

Председатель попросил колхозников соблюдать тишину.

— Пожалуйста, Марфа Тихоновна!

— У меня вопрос: вот вы лесу навозили, будете дворы ставить. Так неужто и вправду в телятнике печей не сделаете?

Председатель посмотрел на деда Анто́на. Тот пожал плечами.

— Думаю, что не к чему...

— Ну, если ты так думаешь, то сам и выращивай телят,— сказала Марфа Тихоновна и встала,— сам и отвечай за них! А я за такое дело не возьмусь, мне колхозное добро дорого!

— Ну, это мы ещё обсудим,— попытался успокоить её председатель.

Но Марфа Тихоновна молча поклонилась и пошла к двери.

— Бабушка! — жалобно крикнула ей вслед Настя.

Но Марфа Тихоновна вышла, не обернувшись. Насте хотелось выскочить вслед за ней, обнять её за шею и сказать: «Бабушка, бабушка, не обижайся! И деда Анто́на не обижай, лучше ты нас выслушай хорошенько!» Но тут до неё долетел подбадривающий голос Катерины:

— Ничего, ничего, обойдётся бабушка!

После собрания Настю подозвал пионервожатый

Доярки долго стояли кучкой и взволнованно обсуждали свои дела.

Ваня Бычков, который один из первых прибежал послушать деда Антона.

— Рублёва, а ты ведь тоже можешь сделать доклад о поездке в Кострому, — сказал он, — на сборе дружины, а?

— А я сумею? — неуверенно спросила Настя.

— Конечно, сумеешь! Ясное дело, как дед Антон, тебе не суметь. Ну, ведь с дедом Антоном-то кто сравнится! Ох, и старик! — Ваня с улыбкой покачал головой. — Ведь всё рассмотрел и всё запомнил! Ну, ладно, ты по-своему расскажешь, особенно о телятах. У нас пионеры не болно на скотный двор идут, а тут, может, заинтересуются. Подготовься по своей тетрадочке. Хорошо?

— А это обязательно нужно? — всё ещё колеблясь, спросила Настя.

Ваня внимательно посмотрел на неё и догадался: бабушка!

— Да, да, обязательно, — твёрдо сказал он. — Помни: ты пионерка. А пионеры всегда должны идти впереди и бороться за всё новое, если оно на пользу нашему хозяйству. Никак нельзя уклониться от доклада!..

Катерина, услышав, о чём идёт разговор, подошла к Насте и обняла её за плечи.

— Никак нельзя, Настя, — сказала она, заглядывая ей в лицо ласковыми серыми глазами. — Мы все должны дружно бороться и помогать друг другу: и партийцы, и комсомольцы, и пионеры.

А если покажется трудно, прибеги ко мне, мы доклад вместе подготовим. Ну, и доклад будет, не хуже, чем у деда Антона! Приходи, Настя, ведь мне и самой интересно ещё раз про малининскую ферму послушать.

И Настя, скрутив в трубочку свою тетрадь, кивнула головой:

— Хорошо. Ладно. Приду.

На другой день на ферме словно улей гудел. Доярки, подоив коров, долго стояли кучкой и взволнованно обсуждали свои дела.

— Оплата, значит, с литра будет, — крикливо высказывалась Тоня. — А что с наших коров получишь?

— Кормить получше — вот и весь секрет, — убеждённо повторяла тётка Аграфена, — кормить, кормить!..

— А чем кормить? — задумчиво возражала ей тётка Таясья. — Зимой корму давали. А сейчас где ж возьмёшь? Сейчас коровы сами должны питаться. Не в стойле, ведь.

— Конечно, самое главное — кормить, — соглашалась и Прасковья Андреевна. — У коровы молоко на языке. Да ещё и массаж велют делать. Надо учесть!

— А что, если корму им приготовить? — предложила Катерина. — На пастбище травы ещё мало!..

Доярки обернулись к ней:

— Корму? А кто тебе даст корму-то?

— А никто не даст,— весело поглядывая на всех, ответила Катерина,— сами добудем. Вот и сейчас можно под кустами снытки нарвать, по канавкам трава хорошо взойшла — всё равно не покосная. Молодой крапивы можно нарвать — очень хорошо коровы поедят...

— И то дело,— подхватила Прасковья Андреевна.— Хорошо придумала! Вот и надо ввязаться.

— Это, что ж, по травинке теперь собирать? — возмутилась Тоня.— Да когда ж это собираешь? Это и отдохнуть будет совсем некогда!

— А никто тебя не неволит,— засмеялась тётка Аграфена,— подольше отдохнешь, поменьше заработаешь!

И в тот же день пошли доярки с мешками по кустам да по овражкам, где места непокосные, собирать чуть подростую снытку, да пушистую медунгу, да молодую, нежную крапиву, которая уже развесила у изгородок зубчатое кружево своих листьев.

А на телятнике и в доме Рублёвых даже и помину не было про доклад деда Антона. Марфа Тихоновна будто бы и не была на собрании, будто и доклада этого никогда не слыхала.

Отец Насти, и мать её, и все телятницы были на собрании и слыхали доклад, однако и они не поминали об этом. Настя понимала: они не хотят огорчать и раздражать бабушку. Слышали, да не слыхали. Вроде как и не было ничего.

Марфа Тихоновна даже успокоилась и повесела. Может, ждала чего-то более неприятного, каких-то более крупных событий и решений. Но что же? Ничего особенного не случилось. Дед Антон хоть и наболтал с три короба, но всё так на том и осталось. Так и забудется. Так и перестанут беспокойные головы смущать народ, а здравый рассудок всегда возьмёт верх.

Но уже через неделю светлое настроение её было снова нарушено и душа глубоко огорчена и опечалена.

Как-то в обед, вернувшись из телятника, она увидела на кухонном столе целый ворох жёлтых сморчков.

— Должно быть, Настя,— сказала невестка, которая тоже только что пришла с работы.

— Принесла и бросила! — добродушно проворчала Марфа Тихоновна.— Эко вертявая девка! А сама умчалась куда-то... И куда умчалась от обеда?

Она села перебирать грибы, очищая их от прилипшей хвои и зелёных травинков.

Настя скоро появилась. Она вбежала запыхавшаяся и вся розовая, с туго скрученной в трубочку тетрадкой в руке.

— А, бабушка, ты уже перебираешь? — живо и с улыбкой сказала она.— А знаешь, где мы их

набрали-то? На вырубке. Знаешь, вырубка за ригой? Туда бригада ходила дни корчевать — дед Антон выпросил под зелёный корм эту вырубку. Ну, и Анка Волнухина тоже ходила. Анка Волнухина Дуне сказала, а Дуня мне. А потом мы ещё другим ребятам сказали...

— Да что сказали-то? — прервала бабушка.— Чирикает, как воробей. Чип-чип — и не поймёшь ничего!

— Ну, сказали, что на вырубке сморчки есть. Вот мы и побежали! Вот и набрали!. Ой, бабушка,— через минутку продолжала Настя,— а как на вырубке хорошо! Всё кругом зелено-зелено. Когда цветы, то всё цестро делается, а сейчас только зелёная травка. И роща кругом тоже стоит зелёная. Елки тёмные, будто из бархата, а берёзки светлые, все в серёжечках... Бабушка, пойдём в рощу, ты посмотришь, а?

Тёмные нежные глаза Насти заглядывали бабушке в лицо. Марфа Тихоновна улыбунулась:

— Да, надо как-нибудь сходить с тобою. Вот, как черёмуха зацветёт...

— А уж она скоро зацветёт, бабушка,— подхватила Настя,— уже кисточки набирает! Мы наломали — она дома в воде распухнется.

— Наломали? — оглянулась бабушка.— А где же она?

— В горнице в кринке стоит. Только, ты думаешь, я столько наломала? Я гораздо больше!

— А куда же дела?

От этого простого и спокойного вопроса Настя вдруг смутилась и опустила глаза. Бабушка с удивлённой улыбкой поглядела на неё:

— Ну, куда ж дела-то?

— Я Катерине отнесла... — не поднимая глаз, ответила Настя.— Она очень любит...

— А, это, значит, ты туда и бегала? А я гляжу, что такое: грибы есть, а грибочины нету. И что это за дружба у тебя завелась с Катериной? По годкам вроде не подходите. И чего тебе туда бегать?

— А она мне помогала костромской доклад готовить.

Настя тут же спохватилась и покраснела. Ну, зачем она теперь бабушке про этот доклад сказала? Только расстроит её...

Но было уже поздно. Бабушка нахмурилась и поджала губы:

— Где ж будет этот доклад?

— На пионерском сборе.

— Дед Антон взрослых дурачит, а ты будешь ребят дурачить? Ну что ж, забавляйтесь!

Настя тоже нахмурилась. Смущение её исчезло.

— Нет, бабушка, не дурачить. А правду буду рассказывать, что сама видела. И как кормят телят. И как телята сами никогда не болеют. Вот

у них ни один не погиб, а у тебя пять штук за зиму, и ещё могут погибнуть. А ты всё, бабушка, никого слушать не хочешь.

Бабушка бросила очищенный гриб в миску.

— Да если бы там паратиф появился, что, у них не погибли бы? И, что ли, виновата, если паратиф напал на телят? Да кабы не я, не пять, а пятнадцать погибло бы!

— А надо, чтобы, как у них, ни одного. Они паратиф в телятник не пускают.

Марфа Тихоновна гневно взглянула на Настю, а с Насти перевела взгляд на невестку, которая тихо вошла у шестка, замешивая корм поросёнку.

— Мать, — резко сказала она, — ты слышишь, как дочка со мной разговаривает? Уж теперь, оказывается, даже она больше меня знает!

Мать строго обратилась к Насте:

— Ты что это, опять спорить с бабушкой? За молчи — и всё! — и со вздохом, взяв бадейку, вышла из избы.

Марфа Тихоновна, вдруг пригорюнившись, подперлась рукой:

— Никто меня не любит. Никто не уважает... Придётся мне к дочери Нюше идти в Высокое. Она давно зовёт. Булу с ребятишками нянчиться. А что мне? Пора и на покой. Думала я, на ферме нужна, аи вот и не нужна оказалась... Все умнее меня, все учёнее меня! Что ж мне там делать? Думала, в доме нужна, аи и в доме не нужна. Все сами большие стали, старики только мешают...

Настя не выдержала и со слезами бросилась бабушке на шею:

— Бабушка, не уходи! Мы все тебя любим! А я больше всех тебя люблю! Ой, бабушка, не уходи!

Настя заплакала, и старуха прослезилась. Мать, вернувшись в избу, с удивлением увидела, что они сидят, обнявшись, забыв о недочищенных грибах. Улыбнувшись всеми ямочками на лице, она, будто ничего не замечая, полезла в печку за шами.

Катерина шла и предвкушала удовольствие: вот сейчас коровы увидят её и узнают.

— Настя, собирай на стол, сейчас отец придёт.

— Где он, этот доклад-то твой? — сказала бабушка, снова принимаясь за грибы. — Брось его на шесток, матери на растопку...

Настя, не отвечая, собирала на стол.

— Ты что же молчишь, неужто всё-таки при своём остаёшься? — спросила бабушка.

— Да. При своём, — тихо, но решительно ответила Настя.

Марфа Тихоновна с минуту смотрела на неё загоревшимися глазами. Но вздохнула, покачала головой и больше ничего не сказала.

НА ДАЛЬНИХ ПАСТБИЩАХ

В начале июня, когда установилось лето, дойных коров унали на дальние выпасы за семь километров от деревни. И туда, в только что

отстроенный летний домик, переехали доярки со всеми своими подойниками, бидонами, с прибором для измерения жирности, с сепаратором... Там же поселился и пастух Николай Иванович с подпаском Витей.

Домик был незатейливый: только стены да крыша над головой. Но вошли в него женщины — и тесовые комнатки очень скоро приняли уютный и нарядный вид. Топчаны и мешки, набитые сеном, превратились в постели, на маленьких окошках заперели ситцевые занавески, крепкий запах свежих берёзовых веников побрёл по всему дому, сладко мешаясь с запахом свежего тёса и смолы.

Катерине было весело и в первые дни немножко странно. Вот какая жизнь! И день и ночь среди лугов и леса, среди плещета листьев и яркого цветения трав, среди спокойной и ясной тишины лета... Прасковья Андреевна будила доярку в четыре часа, в ту сладкую пору, когда человеку снятся самые лучшие сны.

В первое утро Катерина, проснувшись, никак не могла взять в толк, где она. Неструганые стены, розовые от зарю, пёстрая занавеска, отдуваемая ветром, и какая-то особая, бескрайная тишина... Но, стряхнув с ресниц последнюю дрему, Катерина оглянулась на Тоню, которая звала и потягивалась рядом, и засмеялась:

— Совсем забыла, где я, думала, ещё сон снится!

Таисья Гурьянова уже оделась и, стоя перед маленьким зеркальцем, попенешком на стену, расчёсывала на прямой пробор свои тёмные, тронутые седinou волосы. Аграфена натягивала кофточку и тихонько ворчала:

— И что это за ситцы пошли!.. Раза два выстираешь — и уж не напялишь: садится...

— Толстеешь, матушка! — отозвалась из кухни Прасковья Андреевна. — Сама ширинься, как тесто на дрожжах, а ситцы виноваты!

Тоня поднялась нехотя и несколько минут, не раскрывая глаз, неподвижно сидела на краю топчана.

— И что за жизнь! Никогда поспать не дадут — ни зимой, ни летом... Самая противная работа!

Катерина живо надела синее платье и поспешно, не щадя тонких прядей, принялась расчёсывать свою русую косу. Ох, уж эта коса! Если бы не мать, давно бы остриглась. Услышав жалобные тоны слова, Катерина улыбнулась:

— «Противная работа!» Скажешь ты тоже! Какая же противная? А коровы?

— Ну и что — коровы? — возразила Тоня. — Ну и что? То их корми, то их дои... И так вся жизнь!

— Так ведь это и на всякой работе вся

жизнь! — сказала Катерина. — Только у нас лучше... веселее! Ведь всё-таки живое существо, всё чувствует, всё понимает... С ними даже и поговорить можно. Ох, нет, я бы о своих коровках скучала, если бы вдруг куда уйти пришлось с фермы!..

Тоня поджала свои тонкие губы, и острый подбородок её стал ещё более острым.

— Скучала бы! Есть о ком скучать — о коровах! Так я тебе и поверю!..

Катерина заплела косу и, закинув её за спину, поспешила к умывальнику. Ей не хотелось отвечать Тоне — пусть не верит; не верит другому только тот, кто сам может говорить неправду.

Умывальники висели на задней стене домика, недалеко от крыльца. Катерина вышла на улицу и, внезапно охваченная безмолвной красотой пробуждающегося утра, остановилась на пороге. Что происходит в мире? Какой праздник празднует сегодня земля? Пыльное сияние восходящего солнца, озарённый первыми лучами, словно просыпающийся перелесок, свежесть ещё одетых росой трав, свежесть неба, чистого и ещё прохладного... Каждый свой день начинает природа таким вот праздником, а люди не видят!

Катерина сбежала с крыльца, проворно умылась и, не дожидаясь, когда соберутся остальные, напевая песенку, поспешила в стадо.

Коровы паслись возле самого перелеска, на солнечном склоне. Солнце только что оторвалось от горизонта, но косые длинные лучи уже были ярки и горячи. Трава, позолоченная лучами, казалась жёлтою, силуэты коров, словно обведённые золотым карандашиком, бросали длинные тёмнозелёные тени. Стадо отдохнуло за ночь и теперь паслось, медленно передвигаясь по свежей траве. Катерина шла и заранее предвкушала удовольствие: вот сейчас коровы увидят её и узнают...

Но коровы усердно цпиали траву и не поднимали голов. Катерина слегка огорчилась:

— Даже и не чувствуют, что дойти пора! Вот, ведь какие! И моих шагов не слышат!..

Но огорченье её тут же прошло. Рыжая корова Коротка подняла голову, увидела Катерину и сразу замчала, вытянув шею и запрокинув рога.

— Иду, иду! — заулыбалась Катерина, гордая и радостная. — Иду, моя красавица! — И полезла за корочкой в карман.

Пастух Николай Иванович, немолодой синеглазый человек с русой бородой, разделённой надвое, стоял в сторонке, около стада, опершись на резной посошок.

Катерина весело поздоровалась с ним.

— Вот, Николай Иванович, сколько раз смотрю на тебя, и всегда ты без кнута! — сказала она. — Ну, а если корова побежит, чем ты её воротить?

— Хорошему пастуху кнут не нужен, — ответил Николай Иванович. — Корове надо пастбище дать. А куда ж она с хорошего пастбища побежит? Никуда не побежит. Ну, конечно, есть пастухи, которым лень и пастбище найти и накормить скотину лень: соберёт да кружит где-нибудь на выбитом толчке — ну тогда, конечно, корова побежит. Тогда, конечно, и длинный кнут нужен...

Грасотка между тем подошла к Катерине. Катерина погладила её, дала корочку и села доить. И тут одна за другой катеринины коровы, выбираясь из стада, начали подходить к ней. Не спеша, на ходу продолжая щипать траву, подошла белая Сметанка. Важная чёрно-пёстрая Краля остановилась около Катерины, опустив рога, ждала, чтобы Катерина почесала ей за рогами, и тихонько сопела и фыркала от нетерпенья. Серая Нежка подошла и остановилась в трёх шагах: её очередь дойти ещё не скоро, и она кротко ждала, спокойно глядя на Катерину своими нежными влажными глазами. А маленькая бурая Малинка, оттеснив круглым брюхом важную Кралю, подошла к своей доярке и лизнула в ухо, потом в плечо... Катерина, смеясь, закричала:

— Да отойди ты, лизуха ты этакая! Отойди, говорят тебе!

Только Золотая поглядывала издали. Поднимет голову, посмотрит — нет, ещё занята Катерина, ещё очередь её далеко — и снова уткнётся в траву. Что зря терять хорошее время!

— А ведь и правду сторож Кузьма говорит, что у тебя коровы дрессированные! — сказал Николай Иванович. — Ты гляди, какая картина!

— А как же? — отозвалась Катерина. — У меня с ними договор! Я — не опаздывать! А они — молоко дочиста отдавать. Вот люди смеются, что я спешу, чтобы доить минута в минута... А как-то опоздала на полчаса, так двух литров и не добрала!..

Тем временем пришли другие доярки и разошлись по стаду. Зазвенело молоко о стенки поддоинок. Прасковья Андреевна чистой щеткой закрыла горло большого бидона, приготовила ведро с измерителем... Рабочий день начался.

А солнце уже поднялось, стало меньше и горячее. Укоротились тени, неслышно улетела роса с позеленевшей травы. Старая Дроздица, которая увязалась с доярками в «табор», уже растопила пачку и развела на лужке перед домом медный самовар. Самовар этот жарко блестел на солнце и тихо струил в небо кудрявый синий дымок.

Хороши были ясные рассветы! Жарки и радостны полнотой жизни, избытком цветения летние полдни! Задумчиво, тихо и лучезарно догорили безмятежные вечера! В такие вечера Катерине казалось, что всё живо, натрудившись за день, с чувством сладкой усталости и удовлетворения отходит на покой... И, увидев первую звезду, усталая и счастливая, Катерина повторила давно полюбившиеся строчки:

Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход...

Незаметно наступил июль. Спокойная, несколько монотонная жизнь текла в таборе. Жаркими полднями ходила доярка на реку купаться. Потом спали, разомлев от жары.

В свободные часы, которых здесь было гораздо больше, чем дома, Катерина читала. Книги у неё были и под подушкой, и на подоконнике, и в молочной, где стоял сепаратор... Выпадет минутка — Катерина хватается за книгу. Книги всё больше и больше брали Катерину в плен. И каждую прочитанную историю она применяла к себе: а как бы она поступила? Смогла ли бы она так бороться с врагами, как Уля Громова? Хватило бы у неё мужества умереть так, как умерла Зоя?.. И она надолго задумывалась, решая для себя эти вопросы.

Иногда радость жизни охватывала Катерину. Всё было хорошо: поить коров, пробегаться на реку, поболтать с доярками, с Натальей Дроздовой, с Николаем Ивановичем, с пастухонником Витей. Все они как-то ближе и роднее стали здесь, в тишине таборной жизни. Катерина охотно болтала с Витей насчёт всяких его мальчишеских дел. Уж очень хороши у Вити товарищи! Ему пришлось весной на пастбище идти, а школу кончать надо! Так эти товарищи в стадо едут уроки носили. Пока коровы на полднях отдыхают, ребята с ним уроки учат. А потом так же с их помощью Витя и экзамены сдавал. Кто свободен, пасёт за Витю, а Витя в школу идёт. Вот так и сдал и в следующий класс перешёл!

У Вити — товарищи. А вот у Николая Ивановича очень вник хорошо. Ещё только ходить начинает, а уж песни поёт, просто как соловей! Наверно, такой песенник будет, каких ещё и в округе не было!

— Может, в театре будет петь! — поддакивала пастуху Катерина. — А что ж? У нас это ничего особенного! Пошлём учиться, да и всё!

И толстую Аграфену Катерина увидела здесь с новой стороны. Может, потому, что привыкла Аграфена дома заботиться о детях, о муже, о старрой свекрови, — здесь она так же тепло заботилась обо всех, а особенно о Вите и о Катерине. То выстирает Вите рубашку, то набьёт

Катеринин матрац помягче... А то вздувает побаловать весь табор: напечёт пирогов с земляничкой, с черничкой или напечет вареников. И сама — румяная, круглолицая — смотрит, как едят её странню, и радуется, и всё повторяет своим грубоватым голосом:

— Ешьте, ешьте, поправляйтесь! Человек должен толстым быть!

Только здесь как-то в сумерки, когда отдыхали доярки, сидя на крыльчке, разглядела Катерина, что у молчаливой стареющей тётки Таисьи глаза синие, с грустинкой и с какой-то неизменной думой, которая тихо светится в их синей глубине.

— Ты о чём думаешь, тётя Таисья? — спросила Катерина.

— А ни о чём, просто так... сижу, — ответила тётка Таисья, но тут же улыбнулась, и морщинки побежали вокруг её прекрасных глаз. — А ты откуда узнала?

— Небось, молодость вспомнила! — сказала Аграфена. — Что ей? Мужа нет, детей нет — только и вспомнай молодые годы да прежнюю любовь...

— Ну да, любовь! — оборвала Тоня. — На шестой десятке, а всё будут любовь вспоминать!

Тётка Таисья промолчала, опустила глаза, и Катерина вдруг поняла, что эта бедная тихая женщина всё ещё держит в своём сердце тоску о давно погибшем муже. Мужа убили на войне в четырнадцатом году, а прожила она с ним много лет. Но прошла жизнь, а тётка Таисья так ни на кого больше и не взглянула, так и донесла до седых волос свою верную любовь.

«Вот живёт и живёт себе, — думала Катерина, глядя на совсем примолкшую тётку Таисью, — и люди её почти не замечают... А ведь такое сердце разве часто встречается?».

Только с Тоней Кукушкиной не ладилась у Катерины дружба: Тоня часто задирала её. Впрочем, Катерина не сердилась. Она как-то не могла рассердиться — слушала, улыбалась да отмалчивалась. Слишком счастливой чувствовала она себя по сравнению с Тоней, слишком богатой душевно. Катерина любит своих коров, любит свою работу. А любить свою работу — разве это не величайшее счастье для человека? Вот этого-то счастья и нет у Тони! Ну так что ж, ну пусть цепляется, если от этого ей легче!

В свободные дневные часы доярки ложились отдыхать. Но Катерина не ложилась: ей жалко было отдавать сну такое хорошее время. Она бегала в лес — то набрать ягод, то наломать венчиков... А из лесу не уйдёшь скоро, когда голубым огнём полыхает на полянках цикорий и цветущая таволга разливает медовые запахи над высокой лесной травой.

Подступила горячая уборочная пора. Ещё не закончился покос, а уж хлеба побелели. Колхозники так и жили в поле с зари до зари: косили траву, сушили и возили сено, метали стога... А там уж и жнейки застрекотали, захихали крыльями, и комбайны вышли на широкие поля.

Тоню и Дроздиху на горячее время вызвали из табора и отправили в поле.

Но и тем, кто остался, уже не было привольных часов: ни почитать, ни подремать на солнышке, ни побегать по лесу... Подойли коров — и беги на ближайšie лесные делянки, где ещё не убрано сено, помогай ворошить, помогай сгребать...

Толстая тётка Аграфена очень уставала. Поднимая на граблях большие охапки сена, она задыхалась.

— А ты помаленьку, помаленьку! — говорила ей тётка Таисья. — Не жадничай! По силам бери!

— Да что «не жадничай!» — возражала тётка Аграфена. — Вон какая погода стоит золотая — тут-то и ухватить сенцо!

Охла потихоньку и Прасковья Андреевна: трудно ей было чуть не бегом бегать на пастбище, а оттуда на покос, а с покоса опять на пастбище...

— Года мои ушли, года ушли, — повторяла она, утирая фартуком белое, никогда не загорающее лицо, — силы не те, и сна маловато! — И бесцветные глаза её смотрели жалобно из-под слипшихся от пота и торчащих стрелками ресниц.

Лишь Катерина улыбалась да напевала — у неё и силы хватало и сна ей было достаточно... Её почерневшие от загара руки легко управлялись с работой. Только лицо немножко осунулось, стали заметнее скулы, да как будто светлее и шире стали глаза...

Погода стояла счастливая для уборки: солнечная, жаркая...

Кончался август. Спадала горячка в полях. Огромную долю полевых работ мощно приняли на себя машины.

Тоня и Дроздиха снова вернулись в табор. А однажды, возвратясь из деревни с пустыми бидонами, Прасковья Андреевна привезла нежданных гостей. Первым соскочил с телеги дед Антон — в голубой выцветшей рубахе, в рыжем картузе, сдвинутом на глаза. За ним осторожно, чтобы не запачкаться дётгом о втулку, слезла Анка Волнухина. Доярки тотчас собрались вокруг них.

— Что такое? — спросила Тоня. — Случилось что-нибудь?

Дед Антон разговаривал с пастухом...

— Вот уж сразу и случилось! — ответил дед Антон. — Уж и в гости нельзя приехать! Должен я за своим хозяйством смотреть или не должен? Вот погляжу, как живёте, как работаете, а то как же?

Пока доярки балагурили с дедом Антоном, две подружки, Катерина и Анка Волнухина, схватившись за руки и радостно смеясь, глядели друг на друга, будто век не выдались.

— Да как же это ты собралась? — повторяла Катерина. — Вот умница! Вот молодец!

— Да так вот и собралась! — отвечала Анка. — Да если правду говорить, может, и не собралась бы, кабы не дед Антон!

— А ты ночуешь у нас? — спросила Катерина. — Ночуй, Анка! Вечером коров пойдём вместе доить!.. Поужинаешь с нами, а?

— Да, видно, уж ночую! — засмеялась Анка. — А может, ещё и не одну ночь... Вот посмотрим, как вы с дедом Антоном договоритесь!

Катерина посмотрела на неё долгим взглядом. О чём ей с дедом Антоном договориваться?

— Ну скажи, Анка, как следует, чтобы я поняла!

Анка затрясла головой так, что даже серёжки с красными камушками закачались в её ушах:

— Дед Антон болтать не велел. Когда надо, сам скажет!

Дед Антон проверил графий удоев, потолковал с Прасковьей Андреевной, а вечером пошёл с доярками на пастбище. Там он уселся с пастухом на

бугре, на упавшей сухостоине. Закурили. Разговоры и тут хватило: где пасёт Николай Иванович, как пасёт.

— Пастух ты, Николай Иванович, хороший, — сказал дед Антон, — но вот пастбище у нас не так острожно! Не по плану! Где вздумается, там и пасёшь. На будущий год мы не так сделаем: все пастбища на загоны разделим и будем всё лето из загона в загон перегонять. Пока до последнего загона дойдём, глядь — в первом опять трава отросла!

— Так что ж! — согласился Николай Иванович. — Тогда бы и мне без заботы, и коровы всё лето сыты...

Дед Антон разговаривал с пастухом, курил свой самосад, а сам, щуря зоркие голубые глаза, неотступно следил за доярками. Сидел от них как будто далеко, но всё видел. Видел, как Тоня гонялась с бдейкой за своими коровами, и как спокойно подходила к коровам Аграфена, и как медленно доила своих коров Тамся... Но когда увидел, как обступили коровы Катерину и как они лизали её, усмехнулся:

— Скотину ведь тоже не обманешь! Нет, не обманешь!

Но тут же и задумался.

— Да-а!.. Задача!

Николай Иванович помолчал, ожидая, что дед Антон объяснит, какая у него задача. Но, видя, что старик только покряхтывает и ничего не объясняет, спросил сам:

— Кто ж тебе такую задачу задал, Савельич, что ты решить не можешь?

— Да как тут решить! — проговорил дед Антон. — Спланировал я одно дело, а теперь не знаю, хорошо ли... Ведь лучшую доярку приходится снимать!

— Катерину? — живо спросил Николай Иванович. — Ай проштрафилась?

— Да какой там «проштрафилась»! — возразил дед Антон. — Не проштрафилась... наоборот, можно сказать, даже отличилась. Но вот решили мы её на другую работу взять.

Николай Иванович почесал в затылке.

— Не знаю... Тут ещё, пожалуй, с Прасковьей Андреевной тебе крупно поговорить придётся.

— Вот я и боюсь... А как хочешь, на этом деле без Катерины не обойтись! В телятник хочу её поставить. Попробуем по-новому телят воспитывать. А на такое дело кого ж поставить? Кроме неё никого. Тут человек нужен решительный и беспокойный, чтоб на удачах не успокаивался... Понимаешь ты?

— Та-ак, — протянул Николай Иванович, покачав головой, — а Марфу-то Тихоновну куда же?

— Тут же будет: Катерине молочников дадим.

а ей старших. Ведь у нас самое ответственное — это молочников до трёхмесячного возраста довести. А там уже не страшно!

Николай Иванович усмехнулся в свою русую бороду:

— Ох, Савелич! Много скандалу тебе принять придётся!

— Да уж не без этого! — весело согласился дед Антон. — А что ж поделаешь? Раз надо, значит, надо.

Тихо жились зелёные сумерки на лесную поляну. Закрывались на ночь высокие жёлтые бубенчики в кустах. Оранжевые отсветы зари уходили всё выше к вершинам и, словно запутавшись в густых ветках, тлели там и догорают...

Доярки одна за другой отпускали коров.

— Эй, деды! — закричала Тоня. — Слезайте с бугра — домой пошли!

И пошла вперёд, затянув какую-то пронзительную песню. Доярки шли все вместе, окружив деда Антона, и тут дед Антон, словно собираясь нырнуть в омут, набрал в лёгкие воздуха и объявил:

— А я Катерине подмену привёз! — и кивнул головой на Анку.

— Ты что, дедушка Антон?! — крикнула Катерина. — Какую подмену?!

Аграфена даже остановилась от изумления. А Тоня с кривой улыбкой поклонилась Катерине:

— Дослужилась!

— Эй! Эй! Прасковья! — вдруг закричала Аграфена Прасковье Андреевне, которая ехала впереди с молоком. — Остановись! Послушай, что делается-то!

— Поезжай, поезжай! — махнул рукой дед Антон. — Чего останавливаться? Пожалуй, простоишь и молоко проквасишь!

Доярки долго бушевали. Особенно Прасковья Андреевна. Что же это за работа? Только человек начнёт себя на работе как следует показывать, его с работы срывают! И что же это за заведующий фермой: своими руками молочную секцию разорет!

— Да за что ж такое Катерину снимаете? — нападала Аграфена. — Кому она там у вас не угодила?

И большого труда стоило деду Антону объяснить, что не потому Катерину снимают, что она не угодила, а потому, что она в другом месте нужна.

— Она коров набаловала, кто их теперь возьмёт? — сказала Тоня. — С ними наплачешься!

— Я возьму, — весело возразила Анка.

— Потому и подмену раньше привёз, — объяснил дед Антон. — Пусть до осени поживёт с вами. А Катерина её тем временем подучит:

как какую корову доить да как с какой коровой обращаться... Пускай привыкнут к новой доярке... А как привыкнут, так Катерина и отойдёт от них потихоньку.

— А меня куда же, дедушка Антон? — скрытая волнение, негромко спросила Катерина.

— Не иначе, как преподавателем сельсовета сделают, — засмеялась Тоня, — а то так прямо в академию куда-нибудь, доярку учить!..

— А с тобой, Катерина, нам всёрёзь поговорить надо, — сказал дед Антон, не обращая внимания на тонины слова. — Если договоримся, значит, будет, как я сказал. А не договоримся — всё, как было, останется.

Долго сидели после ужина на скамейке под берёзами дед Антон и Катерина.

— Пойми, голова, когда новое дело начинаешь, надо его делать очень хорошо. Отлично даже делать надо! Чтобы народ увидел, что это новое дело правильное, что вот так и делать надо. А если затеять новое дело да провалить — ну, народ сразу и отобьёшь. Скажут: по-старому лучше было. А словами никого не убедишь. Кого ж убедишь, если на словах будет одно, а на деле другое?! На Марфу Тихоновну нам рассчитывать не приходится, сама знаешь. А вопрос этот политической важности!

Катерина молча слушала, тихо перебирая кончик перекинутой через плечо косы. Дед Антон говорил, а у неё перед глазами стояла высокая фигура Марфы Тихоновны, её непреклонный, гневный взгляд... Вот когда придётся встать грудь с грудью. Выдержит ли Катерина?

Но тут же всплыло перед Катериной ещё одно лицо, нежное, розовое, с тёмными, как вишенки, глазами.

«— Бабушка сердилась... потом плакала. Из-за того, что я доклад буду делать...»

— Ну, а ты что? Отказалась?

— Нет, сегодня на сбор иду. Что ты! Как же мне отказаться? Я же пионерка...»

...Откуда-то издалека, из рощи, от поляны, заросшей нарядным цветом Иван-да-Марьи, прошёл ещё один человек — с умышленным взглядом, с бровями вздрёт... Сергей... Как он поступит? Простит ли он Катерине гнев и огорченье матери?..

Катерина подавила вздох. Если поймёт, простит. А не поймёт, тогда о чём разговор?.. Если люди не понимают друг друга, пусть идут по разным дорогам... Вместе им счастья всё равно не будет.

Последние лучи заката падали на крышу барака. Пыльным золотом сыпала солома, ярко рдела кирпичная труба, отбрасывая лиловую тень. Не освещённая солнцем стена казалась совсем сиреневой, и только в одном стекле раскрытого окна дрожал огненный оранжевый блик.

И вдруг всё померкло: бледное лиловое небо, смутно жёлтая солома, серые стены, пригасшая зелень травы и деревьев... Солнце село. Всё гуще и гуще тьма, всё более смутны очертания лесных вершин. В бараке засветилось окно — жёлтое окно среди синего сумрака...

— Ладно, дедушка Антон! — сказала Катерина. — Раз надо, значит, надо. Но ты мне поможешь?

— Ну, а как же, голова! — живо ответил дед Антон. — Все помогатъ будем! И Никита Степанович! И Пётр Васильевич, — я с ним говорил. Тот, как услышал, что мы задумали, даже помолодел. И, вишь, про тебя что сказал: я, говорит, в ней не ошибёсь!

Выскочила из табора Анка, подседа к Катерине, обняла её:

— Ну что, договорились?

Катерина кивнула головой:

— Да.

Чистый месяц засквозил среди вершин. Дед Антон пошёл ужинать. А подруги ещё долго сидели, обнявшись, на лавочке, смеялись, шептались и что-то без конца рассказывали друг другу...

КАТЕРИНА БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Липа первая подала весть о том, что осень уже бродит по лесу. А вскоре и плакучая берёзка, стоявшая у табора, сверху донизу засветилась желтизной — маленькие жёлтые листочки засияли среди зелени.

С первыми заморозками Катерина ушла из табора. Дед Антон передал с Прасковьей Андреевнкой, чтобы шла Катерина домой, принимать новую должность.

В этот день она сходила последний раз на поляны и ещё раз наказала Анке:

— Смотри, не обижай их! Если какая капризничает, не поленись — уважь... Они тебя отблагодарят за это, сама увидишь. Ты их лаской, а они тебя молоком.

— Ну вот ещё, Катерина! — Анка даже обиделась немножко. — Сроду я со скотиной не грубила! А тем более в таком деле. Разве я своей выгоды не понимаю?

«Выгоды! — с лёгким огорченьем подумала Катерина. — А как будто если не выгода, то и приласкать скотину нельзя!»

Не скрывая грусти, Катерина уложила в чемоданчик свои книжки, косынки, фартуки, попрощалась с доярками и ушла.

— Не надолго! — сказала провожавшая её Анка. — Скоро и мы со всем стадом приползем!..

Нарядный, задумчивый стоял вокруг тронутой красками осени лес. Холодный ветер прошёл по вершинам. Загумели берёзы и осины протяжным шумом, полетели жёлтые и оранжевые листья на ещё яркую зелень травы... Ах, хорошо в лесу! Любовался бы с утра до вечера на эту красоту!.. Но... надо уходить. Надо начинать новое дело.

До самого дома не оставляла Катерину грусть. Но когда поднялась на родную горку к Выселкам, когда увидела знакомые очертания крыш и верхушки берёз у своего двора, сердцу вдруг стало легче. И, войдя на своё скрипучее крыльцо, Катерина уже с улыбкой открыла дверь в избу.

— Кто дома? Как живы? — весело окликнула она, входя.

Из горницы навстречу ей спешила бабушка. Все её морщины светились радостью.

— Совсем? Ох, пора, пора! Как в доме-то без твоего голоса скучно!..

Тёплый, с детства привычный запах родной избы, пёстрые дорожки на белом полу, разросшиеся огоньки и бегонии на окнах — всё нравилось Катерине, всё согревало её сердце.

Бабушка поставила самовар. Катерину пришла с работы мать и, увидев Катерину, радостно улыбнулась. Пошли расспросы, рассказы... Приятливо шумел самовар на столе; лампа, окружённая жёлтым абажуром, освещала милые весёлые лица матери и бабушки, мурлыкала кошка, лапаясь у ног Катерины.

Ну вот, не хотелось от коров уходить! А домато, дома как хорошо!

В этот вечер, хоть и давно не была она в деревне, Катерина не пошла гулять.

— Вот и хорошо! Выспись, отдохни! — сказала бабушка.

— Да соберись с мыслями, — добавила мать, — обдумай всё хорошенько, чтобы дело своё не провалить.

— Да, — согласилась Катерина. И отправилась спать в сени, где стояла её кровать под чёрным ситцевым пологом.

Холодная безмолвная ночь стояла на дворе, и Катерина знала, что тут же, за стеной, стоят сонные берёзы и что блестящие большие звёзды висят над крышей... Хорошо дома!

Утром Катерина поспешила к деду Антону. Скотину только что выгнали, выгоняли её теперь не рано, после того, как солнце согрив иней с травы. Деда Антона Катерина нашла на новой стройке.

Около старого скотного двора, по ту сторону пруда, уже стоял невысокий длинный сруб.

Гладко оструганные желтоватые брёвна тепло светились под солнцем, и чёткий весёлый звон топоров веселил деревенскую тишину.

— Явилась! — ответила Катерина. — По вашему приказанию..

Дед Антон, увидев Катерину, зашагал к ней по хрустящим стружкам.

— Явилась? — закричал он.

— Явилась! — ответила Катерина. — По вашему приказанию!.. Я гляжу, дедушка Антон, из деревни просто отлучиться нельзя! — смеясь продолжала она. — Не успеешь отойти, а уж тут хоромы стоят!

— Это ещё что! — самодовольно улыбнулся дед Антон. — Вот подожди, окна вставим, полы настелим, крышу — под дранку! А фундамент какой, видишь?

— Да как не видеть! Гляжу, где это вы с Пякитой Степанычем кирпич раздобыли? На завод ездили?

— А что ж, нам разве долго? Мы, если надо, чего хочешь раздобудем. С нами, брат, спорить не связывайся!

— Я, дедушка Антон, — лукаво сказала Катерина, — шла да думала, что уж в новом телятнике буду телят принимать... а тут ещё только огни стены!

Дед Антон омрачился:

— Да, запоздали. Плотники нас задержали, домовой их возьми! Плотников сейчас поди-ка, найди! И тут строят и там... Позапоздали, что говорить. К новому году, пожадуй, готов будет. Не раньше. Дранку ещё надрать надо! Автопоилки установить...

— Неужели автопоилки сделаете?

— А что ж такого? И автоматическую подачу корма сделаем. Всё как следует! Катерина мечтательно улыбнулась: «Хорошо!»

— Ну, а где же мне сейчас-то обогреться, дедушка Антон? — спросила она, помолчав.

— Пока в старом, в маленьком телятнике. В том, который пустой совсем. Там и командуй. Только он у нас уж много лет заброшенный стоит. В порядок его приводить придётся.

— Ну, что ж, приведём!

Дед Антон решил назначить Катерине штук десять стельных коров — пусть принимает новорожденных телят и растит, как растит их зоотехник Штейман в Караваеве, как растит их Малинина в «Двенадцатом Октябре». Всех-то сразу давать страшновато, надо сначала на нескольких попробовать...

— Только, дедушка Антон, как? На мою полную ответственность, — спросила Катерина, — чтобы никто не вмешивался?

— На полную твою ответственность, — твёрдо сказал дед Антон. — Вся власть твоя.

Катерина прошла на скотный двор, осмотрела телятник: старые стены с выбившейся паклей, щелястые рамы, тусклые стёкла, составленные из половинок... Постояла, подумала и пошла искать секретаря комсомольской организации Сашу Кондратова.

Саша работал на молотилке. Тут же работали и многие комсомольцы: кто вертел веялку, кто возил снопы...

«Как быть? Подмога нужна: одной ничего не сделать! — подумала Катерина. — Но не с работы же людей снимать!»

И вдруг весёлая мысль появилась у неё: «А Настя Рублёва, а ребятники?»

Тут же, на улице, ей встретились трое: Оля Нилова, Дуня Волнухина и белесая безбровая Надя Черенкова.

— Девчата, девчата! А я вас ищу! — закричала Катерина. — Вы куда собрались?

— А мы с поля, — весело ответила бойкая

Дуня Волнухина, — колоски собирали... Да там почти нет ничего!

— Хотите мне помочь? — деловым тоном спросила Катерина. — Мне помощь нужна!

Девочки переглянулись.

— А что, Катерина?

— Да вот, надо телятник в порядок привести. Помогите, девочки!

— Давай! — живо ответила Дуня. — Что делать?

— Да что ж делать? Чистоту навести надо! Вымыть, вычистить. Мы с Дуней сейчас метлы возьмём. А ты, Оля, и ты, Надя, бегите, ещё кого-нибудь из ребят позовите... Настю Рублёву не забудьте, она ведь телятница!

...Катерина охнула и рассмеялась, когда увидела целую армию ребятенек, нагнавшую к ней в телятник. Ребята постарше, такие, как Володя Нилев, были заняты на молотёбе — прийти не могли, — возили снопы, отгребали солому из-под молотилки... Зато прибежали такие, которые ещё и в школу не ходили. Вместе с Надей Черенковой увязались её братишки — Павлик и Шурка, белоголовые, румяные, как помидоры... Пришёл Лёня Калинов, а за ним сестрёнка Галька, покрытая большим клетчатым платком и с босыми ногами... Откуда-то взялся внучек тётки Аграфены Вася, в синих штанах, в красной рубашке, с пирогом в руке...

— Ну что я с вами буду делать, а? — спросила Катерина. — Куда вас девать?

Ребятишки глядели на неё, смущённо улыбаясь, переглядываясь.

— Куда хочешь! — за всех ответила Дуня, везеда пожав плечами.

Катерина, сдерживая смех, принялась командовать своим отрядом. Самых маленьких послала убирать вокруг телятника камни, железки, сучья... Что найдут, пусть кладут в кучку, а то мало ли что может случиться? Выйдет маленький телёнок, наткнётся на сук или попортит ножку о камень...

Лёня Калинов и Надя Черенкова пошли на пруд по воду. Дуня побежала за мочалкой. Настя Рублёва принялась протирать стёкла маленьких квадратных окошек... А Петруша Солонцов, коренастый расторопный парнишка, и черноглазый худенький Минька Бушуев, и сама Катерина взялись кто за метлу, кто за вилы и начали чистить и выметать пол... Пыль, остатки сухого навоза и соломы — всё взвилось вихрем в заброшенном старом телятнике.

Вскоре появилась вода, зашлёпали мочалки, острый заступ принялся отскребать многолетнюю грязь с дощатого пола. Говор, смех, оживленье — будто живность какое удовольствие придумала для ребят Катерина.

Когда девочки принялись мыть под ребята,

сменяя друг друга, то и дело, гремя ведрами, бегали к пруду: очень много понадобилось воды!

— Там Паша-телятница пришла! — сообщил Лёня Калинов, примчавшийся с пруда с полным ведром. — Вон стоит, заглядывает в дверь!

— А мне сказала: «Что это вы, сдурели?» — добавил появившийся вслед за Лёней Минька Бушуев. И, поставив ведро, раскрасневшийся, с кепкой на затылке, рассказал: — Я говорю: «По-чему это мы сдурели?» А она говорит: «Сдурели потому, что пол в телятнике моете». А потом говорит: «Может, вы телятам ещё и коврики постелите?»

— Пусть говорит! — сказала Катерина, изво всех сил отскребая грязь с досок. — А вы поменьше слушайте.

Катерина и сама давно уже заметила, что мимо открытой двери телятника то и дело мелькает синяя кофточка Паши. Что ж, пускай ходят, пускай смеются, не им отвечать за катеринину работу!

Ещё и солнце не поднялось к полудню, ещё и колокол в колхозе не звонил на обед, а в телятнике уже всё было вымыто, вычищено, и Катерина распустила на отдых свою всёёую бригаду.

Оставшись в телятнике одна, она снова озабоченно огляделась. Ярко поблескивало солнце сквозь промытые окошки, жёлтые круглые зайчики дрожали на вымытом полу... Но разве это всё? Осталось ещё многое, чего с ребятниками не сделаешь: окна надо промазать, стены законпатить, побелить...

Придётся всё-таки идти к Саше Кондратову, молотёжке на помощь звать!

Трудно было комсомольцам урвать время — только вечером да в обеденный перерыв. После обеда сладко тянуло прилечь на часок. Однако все пообедали наспех и пошли говорливой и пёстрой гуерьбой в катеринин телятник.

— Катерина, — сказала со смехом тоненькая белокурая Нина Клинова, — а ведь правду говорят, что ты бесполоый человек! Вот нам, и то отдохнуть не даёшь!

— Рано отдыха запросили, — также смеясь, ответила Катерина. — Вот состаритесь, тогда и отдохнёте!

Саша Кондратов деловито осмотрел стены телятника.

— Самое главное, Саша, чтобы сквозняка не было, — повторяла ему Катерина. — Сквозняк и сырость хуже всего для телёнка! Хуже всего! — Конопатить надо, — сказал Саша, — а где пакли взять? Бабы льняной очёс были...

— Какой же очёс?.. — задумалась Катерина. — Ещё лён на корню.

— А если мхом? — предложил Ваня Бычков. — Пойдём в лес да надерём моху! Ребятишек позову!..

— Ванечка, дружок! — обрадовалась Катерина. — Вот догадался хорошо! Мы тебе, Саша, сколько хочешь моху надерём.

Не сразу, не вдруг, но все-таки телятник утешили. Пазы законопатили, стены снаружи обложили свежей соломой, окна тщательно промазали, чтобы не дуло.

— Белить будешь — нас позови! — попросила Нина Блинова. — Я обязательно приду!

— И меня зови, — сказал Ваня, — так и быть, послужу маляром!

Но Катерина никого не стала звать. Ребята и так целый день на работе... Теперь и одной справиться можно.

В воскресенье, с самого утра, Катерина надела большой брезентовый фартук, по самые глаза повязалась старым платком.

— Батюшки! — удивилась бабушка. — Это куда ж нарядилась? На какое гулянье?

— Наверно, со мной на молотилку, — сказала мать, тоже укутываясь платком, чтобы не набилось половы в водосы.

— В телятник, — коротко ответила Катерина.

Мать промолчала, а бабушка немножко обиделась:

— Опять в телятник! Что тебе дался этот телятник? Люди сейчас все стремятся заработать, работа на молотье выгодная, а ты всё со своим телятником! Разве можно так?

— Не можно, бабушка, а нужно, — мягко возразила Катерина. И, слегка обняв за плечи старушку, маленькую, слабенькую, сухую, сказала смеясь:

— А трудодни я ещё наверстаю! Вот как закончу с телятником да как выйду завтра на работу, только пыль до неба полетит!

Катерина белила телятник и напевала вполголоса. Белые молочные брызги извести падали дождём. Помещение телятника светлело и хорошо пахло на глазах.

— Ай, Катерина! — вдруг услышала она зна-

Говор, смех, оживление, будто нивесь какое удовольствие придумала для ребят Катерина.

комый тоненький голос. — Стёкла-то опять все измазаны! А я их протирала-протирала!

Настя с улыбкой заглядывала в открытую дверь. Катерина обрадовалась ей, она любила и как-то даже уважала эту маленькую, но с большим характером девочку.

— Ничего, ничего! — ответила Катерина. — Мы их сейчас снова протрём, ещё светлее будут! Отойди, а то я тебя забрызгаю!.. Вот прибежала кстати! — продолжала она. — Я всё хочу тебя спросить: сделала ты тогда доклад на сборе или нет?

— Конечно, сделала!

— Ну, и что? Ребята заинтересовались?

— Очень даже! Сразу семь человек в наш кружок записались!

Вдруг Настя прервала рассказ и, делая какие-то знаки, юркнула с порога в телятник.

— Пётр Васильич идёт! — шепнула она.

Катерина торопливо изнанкой фарука начала вытирать забрызганное извёсткой лицо.

— Стёрла? — испуганно спросила она у Насти. — Всё стёрла?

Настя хихикнула, зажимая руками рот.

— Ой, нет! Ещё больше размазала!

Пётр Васильевич вошёл, сдержанно поздоровался с Катериной и внимательно оглядел телятник. Катерина ждала, что он скажет.

— Вы серьёзно хотите взяться за холодное воспитание? — спросил Пётр Васильевич.

— А как же? — удивлённо ответила Катерина. — Конечно, серьёзно!

— А выдержите?

Строгие глаза ветврача глядели испытующе. Катерина спокойно выдержала его взгляд:

— А почему я не выдержу?

Пётр Васильевич пожал плечами:

— Не думаю, чтобы вам легко было работать с Марфой Тихоновной. А ведь она всё-таки бригадир.

Катерина улыбнулась, блеснув крупными зубами, которые казались ещё белее на загорелом лице:

— Ну и что ж, что бригадир? А в моей секции я хозяйка. Я! Понимаете?

Пётр Васильевич вдруг улыбнулся, и Катерина подумала: «Как улыбка красит человека!»

А Пётр Васильевич в эту минуту в первый раз по-настоящему поверил, что у него есть сильный союзник и что теперь и он может смелее

работать, шире применять свои знания, свой опыт...

— Примите меня в союзники, — сказал Пётр Васильевич и протянул Катерине руку.

Катерина, улыбаясь, пожала ему руку своей вымазанной извёстью крепкой рукой.

— Будем помогать друг другу, — продолжал Пётр Васильевич. — Как закончатся полевые работы, организуем зоотехнические курсы. Надо учиться. Обязательно надо учиться: и телятникам, и дояркам, и вам, и мне. Нельзя отставать от передовой науки. Почему наш колхоз, наша ферма должны быть каким-то тёмным уголком, где всё может идти, как при дедах шло? Ведь люди идут, добиваются, стараются поднять своё хозяйство, сделать его первоклассным, высокопродуктивным... А мы? И мы ведь можем жить ещё легче, лучше, богаче, красивее! Ещё мало у нас беспечности, мало горячности в своей работе! Разве в том забота, чтобы около телёнка по ночам сидеть да ноги ему греть? Забота в том, чтобы ему правильные условия для жизни создать. А для этого нужно знать, что правильно. Нужно пошире глядеть вокруг себя... Ну-ка, дайте я покрашу!

Пётр Васильевич неожиданно выхватил из рук Катерины кисть и размашистыми движениями принялся белить стену.

— Что вы делаете? — закричала Катерина. — Дайте я сама!

Но Пётр Васильевич яростно водил кистью. Катерина взглянула на Настю, Настя на Катерину, и обе принялись хохотать над смешными, яростными и неумелыми хватками ветврача.

Пётр Васильевич неожиданно выхватил из рук Катерины кисть и размашистыми движениями принялся белить стену.

— Что вы делаете? — закричала Катерина. — Дайте я сама!

Но Пётр Васильевич яростно водил кистью. Катерина взглянула на Настю, Настя на Катерину, и обе принялись хохотать над смешными, яростными и неумелыми хватками ветврача.

Пётр Васильевич неожиданно выхватил из рук Катерины кисть и размашистыми движениями принялся белить стену.

— Что вы делаете? — закричала Катерина. — Дайте я сама!

Но Пётр Васильевич яростно водил кистью. Катерина взглянула на Настю, Настя на Катерину, и обе принялись хохотать над смешными, яростными и неумелыми хватками ветврача.

Пётр Васильевич неожиданно выхватил из рук Катерины кисть и размашистыми движениями принялся белить стену.

— Что вы делаете? — закричала Катерина. — Дайте я сама!

Но Пётр Васильевич яростно водил кистью. Катерина взглянула на Настю, Настя на Катерину, и обе принялись хохотать над смешными, яростными и неумелыми хватками ветврача.

(Окончание в следующем номере.)

У АВИАМОДЕЛИСТОВ

Я. Аким

В комнатке нежилой
Пахнет в эту зиму
Лаком, стружками, смолой,
Клеем и резиной.

Здесь без лишней суеты
Птиц своих крылатых
Каждый день до темноты
Мастерят ребята.

Дерево дымит, шурша
Под наждачной пылью,
Кто-то красит, не дыша,
Звёздочки на крыльях.

Рядом винт — в который раз! —
Полируют ловко,
И бамбуковый каркас
Сохнет на бечёвке.

Целый месяц напролёт
Стоит потрудиться,
Чтобы выпустить в полёт
Комнатную птицу!

Пробежит студёный март,
Стает снег в апреле —
Дружно вырывают на старт
Авиамодели.

Знаю, здесь, у верстака,
Самолёты строя,
Вырастут наверняка
Лётчики-герои.

Знаю, не померкнет честь
Родины крылатой,
Раз у нас такие есть
Славные ребята!

Анри Мартэн.

БЕССТРАШНЫЙ ПАТРИОТ

Г. Драгунов,

Яркое солнце заливает улицы большого оживлённого приморского города, но в зале заседаний военного трибунала полумрак. Дневной свет едва проникает в узкие окна, и поэтому на столе горят старинные бронзовые лампы. В зале тесно и душно. Гражданских лиц мало, только корреспонденты газет с раскрытыми блокнотами да родственники и близкие друзья обвиняемых. Председатель трибунала, угрюмого вида полковник, обращается к стоящему перед столом молодому моряку:

— Обвиняемый Анри Мартэн, у вас такое прекрасное прошлое. Вы покрыли себя славой в годы Сопротивления. Вы были храбрым и дисци-

плированным. И вдруг вас как будто подменили. Объясните трибуналу, почему вы нарушили свой долг моряка и француза?

Анри Мартэн смотрит полковнику прямо в глаза. Он отвечает твёрдо, с чувством большого достоинства:

— Я не изменил своего поведения. Нет! Это не я нарушил свой долг, а правительство, которое подло обмануло меня, как пыталось обмануть сейчас других. Я сражался с немцами за то, чтобы французы жили свободно, а меня послали убивать тех, кто обрёл свободу. И если меня судят, то только потому, что люди, которые управляют моей родиной, предают её сегодня так, как предавали и продавали её Гитлеру...

Судьи ёрзают в креслах и смотрят на Мартэна ненавидящими глазами. Ведь и среди членов военного трибунала есть такие, кто служил предателем французского народа Петэну и выдавал гестапо отважных борцов-подпольщиков.

Голос Анри звучит всё сильнее и сильнее в

напряжённой тишине зала. Бесстрашный патриот от имени всех честных французов обвиняет в гнусных преступлениях правительство и его прислужников.

Анри родился в 1927 году в семье рабочего. Ему очень хотелось учиться, но уже с двенадцати лет ему пришлось пойти работать на завод. Анри стал работать наладчиком на заводе Люнери, как и его отец. Его всегда тянуло к механике, и он жадно слушал всё, чему учили его опытные рабочие; вскоре об Анри уже говорили, как о способном молодом механике.

Разразилась война. Фашистские банды хлынули во Францию. Анри никогда не забудет тот день, когда он впервые увидел немцев. Грузовики с солдатами в зелёных касках пронеслись через деревню; в вихре пыли исчезали мотоциклисты; тяжело переваливаясь, шли танки со зловедущими чёрными крестами на башнях. Анри стоял в кучке молодых рабочих, и сердце его сжималось от горя и обиды. Через два месяца он примкнул к движению Сопротивления. Анри только исполнилось 16 лет, но ему доверяли серьёзные поручения: он доставлял патроны партизанам, ремонтировал оружие и изготовлял гранаты, тайно распространял листовки, был связным. Вскоре он сам взял винтовку и ушёл с партизанским отрядом имени Марата. Борьба была упорная. Фашисты не раз окружали партизан, объявляя их «в ловушке», но партизаны выходили из неё, и вновь взлетали в воздух мосты и вражеские транспорты с оружием. Анри участвовал во всех операциях партизанского отряда и смело шёл на самые рискованные дела.

Летом 1944 года фашистские войска начали отступать к германской границе, и родной край Анри вновь вздохнул свободно. Но Анри понимал, что война ещё не кончена. Как-то вечером он сказал отцу и матери, что вступает добровольцем в армию и идёт освобождать другие районы Франции. На следующее утро Анри ушёл из родной деревни. Полк, в котором он служил, участвовал в упорных боях с фашистами на юге Франции. Особенно тяжело было под Руайяном. Там Анри потерял своего боевого товарища, капитана Даниэля. Анри навсегда запомнил последние слова умирающего:

— Друзья, нужно до конца, до последней

капли крови бороться за справедливость и свободу! Обещаете ли вы мне это?

— Обещаю тебе, Даниэль, обещаем! — ответил за всех Анри.

Он сдержал своё слово. Он храбро сражался всю войну и был награждён командованием за мужество и самоотверженность. Когда война с Германией кончилась, Анри вернулся в родную деревню, но оставался там недолго. Фашистская чума ещё не была окончательно истреблена. Японские империалисты терзали народы в захваченных ими странах Дальнего Востока. И восемнадцатилетний Анри Мартэн, только что вернувшийся с войны против гитлеровской Германии, вновь добровольно записывается в военноморской флот и уезжает в Индо-Китай.

16 октября 1945 года посыльное судно «Косуля» покинуло французский порт Тулон, направляясь в Индо-Китай. Стоявшая на палубе команда, не отрываясь, глядела на медленно уходящий вдали берег. Скоро скрылись из виду белые домики, и только высокая башня маяка ещё долго виднелась в лазоревой дымке. «Косуля» вышла в открытое море. Начался долгий морской переход от берегов Франции, через Суэцкий канал, по Индийскому океану, через Сингапурский пролив в Южно-Китайское море, в далёкий порт Сайгон.

По обе стороны узкой и извилистой бухты раскинулись рисовые поля и затопленные низины. Там и сям между густыми бамбуковыми зарослями и гибкими стволами пальм белеют хижины. По глади залива легко скользят длинные лодки с грузами бананов, ананасов, лимонов и кокосовых орехов. Лодки подплывают к судам, стоящим на якорях, и смуглокожие люди в круглых соломенных шляпах с остроконечным верхом громко предлагают свой товар.

Уже несколько недель «Косуля» стоит в Сайгоне. Анри и его товарищи не раз бывали на берегу, в этом самом крупном городе Вьетнама, ярком и оживлённом, как все порты южных морей. Многие поражали их здесь: и древние пагоды с бронзовыми статуями сидящего Будды, и мраморные бассейны с золотыми рыбками и затейливыми фонтанчиками, и богатые улицы европейской кварталов с многоэтажными зданиями французских магазинов.

Анри и его друзья бродили по городу и никак не могли понять, зачем их привезли сюда.

Анри Мартэн выступает на суде в Бресте.

Во Франции им твердили, что они едут сражаться с японцами. А здесь, в Сайгоне, они увидели этих японских офицеров в роскошных кафе рядом с французскими офицерами и чиновниками. Моряки не верили своим глазам: что здесь делают японцы, почему они разгуливают на свободе? Ведь Франция воюет с Японией!

— Они ведут приятную жизнь, — отвечали на расспросы моряков солдаты экспедиционного корпуса. — Может быть, вы думали, что едете сюда воевать с японцами? Ничего подобного! Вы здесь скорее для того, чтобы охранять японцев и их друзей — здешних плантаторов — от гнева вьетнамцев. Из вас, как и из нас, сделали полицейских. Вот как!

Анри и сам заметил, что когда он ходил по окраинам Сайгона, мимо жалких лачуг, он часто ловил на себе пристальные взгляды вьетнамцев. В них чувствовался немой упрек: зачем вы пришли сюда, в нашу страну? Кто вас звал? Анри глубоко задумался над словами солдат и над тем, что он видел вокруг.

Вскоре «Косуля» опять вышла в море, в двухмесячное плавание вдоль индо-китайских берегов.

Когда корабль вернулся обратно в Сайгон, Анри увидел, что город превратился в настоящую военную базу. На рейде дымили десятки военных кораблей, в воздухе с гулом пронеслись

самолёты, город был зашуржен броневиками, полковыми и горными орудиями, грузовиками, обозными повозками. На каждом шагу встречались солдаты различных родов войск. «Косулю» тоже начали готовить к боевому выходу. На корабль погрузилась рота десантников в полном боевом снаряжении. 12 ноября «Косуля» в составе небольшой эскадры вышла в море и взяла курс на Хайфон, важнейший промышленный центр и порт Северного Вьетнама. Через неделю эскадра бросила якорь в дельте Красной реки, в нескольких милях от города.

Был вечер, заходящее солнце купалось в бирюзовой глади моря. Вдали виднелись силуэты Тонкинских гор. По склонам зелёных холмов раскинулся белый город. Анри и его товарищи, стоя на палубе, любовались видом города и устья реки. Вдруг раздались звуки боевой тревоги: «Все по местам!» Десантники быстро сели в шлюпки и отплыли к берегу. Грозные жерла орудий поднялись вверх и уставились на мирно засыпавший город. Офицеры наскоро разъяснили матросам, что Франция начала войну против Вьетнама и им выпала честь участвовать в первом бою. Шлюпки с солдатами причалили к берегу. С кораблей было видно, как десантники ворвались на окраины Хайфона. Затрещали пулёмёты, взлетели в воздух ракеты. Корабли, стоявшие на рейде, обрушили на город лавину снарядов. Залп следовал за залпом. В городе запылали пожары.

Когда на утро взошло солнце, моряки увидели страшную картину: город, которым они ещё вчера любовались, лежал в развалинах, едкий дым заволакивал горизонт. Сидя на связке жоробельных канатов, Анри с болью в сердце писал письмо отцу в далёкую французскую деревушку: «...какая ужасная ночь! На улицах идёт стрельба, там гибнут ни в чём не повинные люди. Мы пришли, как подлые убийцы, — ночью, врасплох...»

Так началась война против вьетнамского народа.

Теперь «Косуля» почти беспрерывно была в боях. Она подвозила войска, обстреливала позиции Народной армии. Не раз Анри приходилось бывать на берегу и видеть те места, по которым прошли французские войска. Повсюду пахло гарью. Около дымящихся развалин деревьев валялись трупы женщин и детей с глубокими штыковыми ранами. Жуткая картина разрушения и смерти! И он, Анри Мартэн, бывший партизан и борец за свободу своей родины, участвует в бесчестной войне!

Надо бороться! Но как? Анри не раз слышал, как расправлялись с теми, кто отказывался воевать с вьетнамцами. Их ставили лицом к стене и расстреливали, а трупы выбрасывали в море. Такой протест принесёт не много пользы. Нужно

действовать так, как учат коммунисты, как они действуют сами, изо дня в день борись против «грязной войны» во Вьетнаме. Нужно всему французскому народу рассказать правду о вьетнамской войне, разъяснить, против кого и в чьих интересах она ведётся. Надо вызвать широкое, народное движение протеста, и тогда можно остановить войну и заставить французских империалистов убраться вон из Вьетнама.

И Анри принял решение. Он подал рапорт о расторжении контракта и о своём желании возвратиться во Францию. Но только в октябре 1947 года ему удалось вырваться из Индо-Китая и вернуться на родину.

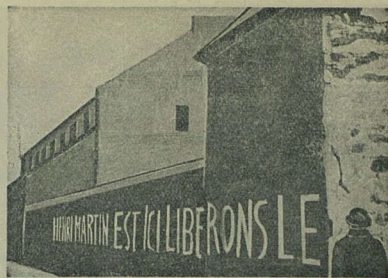

В последнее время в мастерских военно-морского арсенала, на военных кораблях и в матросских казармах крупной военно-морской базы Тулона распространялись сотни листовок, призывавших бороться против войны во Вьетнаме. Гневные, страстные слова листовок обличали французских империалистов, рассказывали о зверствах колонизаторов.

Полиция искала типографию и тех, кто распространял листовки. Десятки шныряли среди солдат и матросов, подсаживались к ним в кафе. Однако, несмотря на все меры, «виновных» никак не могли обнаружить; листовок же с каждым днём становилось всё больше и больше; их находили даже в самом здании штаба военного округа. Командующий и высшие чины штаба с яростью читали:

«Все честные люди Франции ясно видят, во имя каких подлых целей нас отправляют воевать во Вьетнам. И вы ещё смеете говорить народу, что это «справедливая» война?! Ради ваших прибылей, ваших миллионов вы приносите в жертву тысячи молодых жизней. Всякий, кому дорога честь французской армии и флота, должен бороться против «грязной войны» и тех, кому она нужна. Да здравствует мир во всём мире! Да здравствует дружба народов Франции и Вьетнама!»

Вечером 13 марта 1950 года жандармский патруль, как всегда, обходил свой участок. В узком переулке ему встретились три моряка из флотского арсенала, идущие, очевидно, с работы. Они шли, обнявшись, и пели весёлую песенку. Один из них, стройный парень с мужественным лицом, рассмеялся так весело, что даже

В этой тюрьме Понтанью в Бресте находился перед процессом Анри Мартэн. «Анри Мартэн здесь, Освободим его», — написали на здании тюрьмы французские патриоты.

жандармы улыбнулись. Они по привычке взглянули в лица матросам и завернули за угол. Через несколько минут старший жандарм спохватился, что обронил зажигалку, и вернулся обратно в переулок. Вдруг он остановился как вкопанный. Прямо перед ним на кирпичной стене здания бедела свежериклеенная листовка. Бумага была ещё совсем влажная. В нескольких шагах виднелась вторая листовка. Жандарм оглянулся по сторонам. Никого. Издали чуть слышно доносилась песня матросов. Сомнения быть не могло. Листовки наклеили те трое.

Несколько часов спустя моряки были доставлены в помещение охранки. Их допрашивал сам полковник.

— По какому праву вы распространяете эти листовки? — резко спросил он у моряков.

Двое молчали. Третий, взглянув в лицо офицеру, спокойно ответил:

— По праву, данному нам конституцией, господин полковник. Ведь в ней записано, что каждый может свободно выражать своё мнение. А распространять листовки против несправедливой войны — это не только наше право, но и наш долг.

Полковник опешил.

— Ваше имя, фамилия! — загремел он.

— Младший унтер-офицер Анри Мартэн, моряк французского флота, — последовал чёткий и гордый ответ.

Жандармы узнали наконец то, чего они так добивались долгие месяцы. Автором листовок, гневно обличавших продажное французское правительство и звавших на борьбу за мир, был двадцатитрёхлетний механик Анри Мартэн. Он же, как выяснилось впоследствии, был организатором коллективных выступлений моряков и рабочих арсенала против войны во Вьетнаме.

Дело Анри было передано в морской трибунал Тулона. Французское правительство решило устроить громкий процесс, чтобы запугать других борцов за мир и демократию. В Тулон из Парижа срочно полетели телеграммы, требующие во что бы то ни стало присудить Мартэна к тяжёлому наказанию. Между тем сделать это было не так-то просто. Отказы командиров о Мартэне были наилучшие: это был примерный моряк и знаток своего дела. К тому же он отличился в движении Сопротивления. Как же быть?

И вот буржуазные «законники» нашли выход. Они приписали Анри обвинение в диверсионном акте. За двадцать три дня до ареста Анри Мартэна на авианосце «Диксмюд», готовящемся выйти в море, была раскрыта попытка саботажа. В одном из подшипников винтового вала был обнаружен подброшенный кем-то шпак. По этому делу был арестован младший унтер-офицер Хеймбургер, который признался в том, что совершил попытку испортить двигатель. Следователи тулонского трибунала решили использовать этот акт саботажа для осуждения Анри Мартэна, обвинив его не только в «деморализации армии», но и в «подстрекательстве» к саботажу. Это меняло дело. Анри можно было судить как опасного преступника.

Наступил день суда. Зал был переполнен, в открытые окна доносился шум большой толпы, собравшейся у здания трибунала. Это были рабочие и работницы Тулона, моряки, крестьяне из окрестных деревень. Многие из тех, у кого уже серебрились волосы, помнили, как в этом же самом зале морского трибунала тридцать лет назад судили другого героя-моряка, Андра Марти, поднявшего восстание на французской эскадре в Чёрном море.

Из толпы то и дело доносятся крики: «Освободите Анри! Оправдайте Анри Мартэна!»

Начинается допрос.

— Я дрался с немцами за свободу, за то, чтоб на земле был мир. Я и сейчас борюсь за мир,— говорит суду Мартэн.— Вы можете осудить меня, но всю Францию нельзя посадить за решётку. Народ будет бороться против всякой войны и тех, кто её готовит!

Низко опустив голову, слушает Хеймбургер. Месяц назад, уступив угрозам и посулам, он малодушно согласился дать ложные показания на следствии и заявил, что Мартэн знал о готовящемся акте саботажа и помогал ему. Теперь Хеймбургеру до боли стыдно.

— Я лгал на следствии,— глухо говорит он.— Мартэн не виновен. Он ничего не знал о моём намерении бросить шпак в подшипники.

В зале поднимается шум. Председатель трибунала истерическим голосом требует тишины, угрожая вывести всех из зала. Толпа под окном

в один голос кричит: «Анри не виновен! Освободите Анри!» Полиция пускает в ход сирены и трещётки, чтобы заглушить голоса. Напрасный труд! Вся полиция мира бессильна заглушить голос отважных людей, стоящих за правое дело!

Военный трибунал, выполняя приказ правительства, осудил Анри Мартэна «за попытку саботажа и за деморализацию армии» к разжалованию и к пятилетнему тюремному заключению в каторжной тюрьме.

Осудив Анри, французские правящие круги думали, что «дело Мартэна» закончено, что брошенный в тюрьму моряк уже более не опасен им. Но на следующий же день после ареста Анри появились новые листовки с требованием освободить Мартэна, с горячим призывом ко всем честным людям Франции отстаивать дело мира, чего бы это ни стоило. Мартэн не чувствовал себя в тюрьме одиноким. Каждый день на его имя приходили посылки и письма, в которых тысячи незнакомых ему людей выражали Анри свою солидарность. На многочисленных митингах и демонстрациях рабочие, солдаты и моряки всё громче и громче требовали прекращения грязной войны во Вьетнаме. Юноши и девушки Франции в знак уважения избрали Анри заочно делегатом на Третий Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Вся передовая Франция боролась за освобождение Анри Мартэна.

Французской реакции пришлось уступить движению масс. Приговор трибунала был отменён, и дело Мартэна назначили на новое рассмотрение.

В июне 1951 года Анри перевезли в военную тюрьму города Бреста. Перед процессом в городе не прекращались митинги и демонстрации. К зданию трибунала и к воротам тюрьмы, где находился Анри, приходили делегации женщин с требованием отмены несправедливого приговора. Мальчики и девочки Бреста носили матросские бескозырки, на ленточках которых было написано: «Свободу Мартэну! Оправдайте Анри!»

Французским правящим кругам всё же удалось снова бросить в тюрьму отважного моряка, но им не удалось и никогда не удастся сломить безграничную волю простых людей к миру и свободе. Трудящиеся Франции под руководством компартии ещё шире развёртывают движение за мир. В ответ на гнусные замыслы империали-

стов, готовящих войну против Советского Союза и стран народной демократии, все честные люди страны повторяют замечательные слова Мориса Тореза: «Никогда французский народ не будет воевать против Советского Союза!» Срывая планы поджигателей войны, французские трудящие-

ся всё активнее выступают за мир, вливаясь в могучее всемирное движение сторонников мира.

Анри Мартэн сейчас томится в тюрьме, но за его освобождение борется вся передовая Франция. Народ сумеет защитить своего сына и вырвать его из когтей реакции.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИР!

Ля Ван Коу,
боец Народной армии Вьетнама

Далеко на юго-востоке, где шумят воды Южно-Китайского моря, лежит Вьетнам — моя родина. Щедра природа Вьетнама, и трудолюбив наш народ. Счастливую жизнь могут построить сильные руки вьетнамцев.

Французские колонизаторы хотят заковать эти руки в цепи.

Но все мы — мужчины и женщины, старики и дети — подвинулись на священную борьбу за свободу.

Я родился в 1932 году в нищей деревне пограничной провинции Као-Банг. Мой отец был крестьянином. У него никогда не было своей земли, он работал на земле, принадлежащей французам. Он уходил из дома, когда ещё не вставало солнце, и возвращался, когда уже становилось темно. Я был единственным ребёнком в семье, но я не помню, чтобы отец играл со мной или хотя бы раз поднял меня на руки: целые дни он носил тяжёлые мешки с рисом, целые дни... Но риса никогда не было в нашем доме. Мы ели траву. Я ни разу не наедался досыта, голод преследовал меня даже ночью, во сне.

По праздникам мать варила похлёбку. Это называлось «праздничным обедом» — миска сероватой жидкости, в которой плавало несколько крупинок маиса.

Однажды знойным летним утром к нашей хижины подошла печальная процессия. На бамбуковой циновке принесли отца. Подняв тяжёлый мешок, он сделал неверное движение. Сместились позвонки, и он рухнул мёртвым.

Мне было десять лет, когда я, обвязавшись отцовским кушаком, пошёл вместо него к французскому управляющему. Я не мог таскать тяжё-

лые мешки с рисом, и меня поставили работать на рисовом поле.

Французские колонизаторы отняли жизнь у моего отца. У меня они отняли детство.

В тысяча девятьсот сорок пятом году наш народ прогнал колонизаторов с нашей земли. Я смог наконец учиться, я стал посещать школу! Но колонизаторы сразу же начали войну против молодой республики. Они надеялись всё поставить по-старому. А народ не хотел жить по-старому и по-старому гнуть спину на полях французского помещика. Когда я узнал, что организуется Народная армия, я попросил, чтобы меня взяли в армию.

— Ты ещё слишком молод, — ответили мне, — ступай домой, подрасти немного.

Но я не пошёл домой. Я просидел на сборном пункте до вечера, а вечером снова подошёл к воинскому начальнику.

— Я всё равно буду бороться с ними, — сказал я. — Они убили моего отца, разве я могу сидеть сложа руки? Если вы не примете меня, я пойду в соседнюю деревню и солгу, что мне уже исполнилось восемнадцать лет. Зачем вы хотите сделать из меня лжеца?

И меня зачислили в армию. С тех пор я участвовал в двадцати пяти больших сражениях, но сейчас хочу рассказать об одном.

Это был бой, которым началось широкое наступление наших войск. Ночью меня вызвал к себе командир. Он поручил мне и ещё четверым разведчикам взорвать французский дот на пути нашего наступления.

Ночь была тёмной, и на чёрном небе нельзя было различить ни одной звезды. Мы ползли молча, прижимаясь к самой земле.

Но вот справа и слева от нас пошли в атаку солдаты соседних с нами частей. И сразу же с французской стороны поднялась такая сильная стрельба, что стало светло, как днём. Пули свистели над нашими головами... Чем ближе мы были к цели, тем сильнее становился огонь.

Проволочное ограждение преградило нам путь. Мы перерезали колючую проволоку. Но дальше мы ползли уже втроем. Два наших товарища остались лежать у проволоки, сражённые пулями.

И снова свинец свистит над головой, и снова шуршит под нами гравий. И опять перед нами стена из колючей проволоки. Прорезать ход нет времени. Мы лезем через проволоку. Три человеческих тела — хорошая мишень для пулёмтиков... Каким-то чудом меня не задела ни одна пуля. Но спутники мои остались висеть на проволоке: они были убиты.

Теперь я полз один. До дота оставалось каких-нибудь пятьдесят — семьдесят метров. Уже ясно были видны французские окопы и громадина дота, возвышающегося над ними. Но меня заметили. Ползти уже не имело смысла, и я, прижав к груди мину, поднялся и побежал к доту.

Страшным ударом меня сбilo с ног. Я потерял сознание. Очевидно, это длилось очень недолго. Очнувшись, я стал искать глазами мину. Я не менял положения тела, чтобы на меня не обратили внимания. Мина оказалась совсем рядом, справа. Я хотел протянуть к ней руку, но правая рука не слушалась меня. Перевитая пулями, она болталась, как плеть, сковывая каждое моё движение.

А где-то далеко-далеко я уже слышал гул атак. Это поднялись мои товарищи, для которых я должен был пробить брешь в обороне врага.

Дот рядом. Но рука... Рука не давала мне сделать ни одного движения. И, стиснув зубы, чтобы не закричать, я острым лезвием ножа с силой провёл по руке. Оставшей левой рукой я подхватил мину. И вот я у дота. Я просунул мину в амбразуру и стал поджигать шнур. Защитники дота пытались вытолкнуть мину. Тогда я упёрся в неё ногой и изо всех сил нажал. Ещё усилие. Я стал колотить ногой по мине. Мина ушла глубоко в амбразуру, наружу торчал только фитиль. Я поджёг его и стал быстро отползать в сторону.

Взрыв потряс всё вокруг: дот взлетел на воздух. Разноцветные круги поплыли перед моими глазами. Я потерял сознание...

* * *

Я солдат. Я прошёл через много сражений, у меня на руках умирали мои товарищи. И потому, что я знаю, какие бедствия приносит людям войны, я говорю: люди, боритесь против войны, люди, отстаивайте мир!

Пусть растут дети, пусть они учатся в школе, пусть никогда их сон не будет нарушен воем падающей бомбы... Война войне! Да здравствует мир!

Чтобы остановить французские броневики, бойцы разрушают дороги, а продовольствие фронту везут по тропинкам.

Этот портрет президента свободного Вьетнама Хо Ши Мина с детьми был сделан на оккупированной территории Вьетнама. Художник-патриот написал его своей кровью. Шесть месяцев пробиралась в свободный Вьетнам специальная делегация, чтобы передать свой подарок Хо Ши Мину.

ХУДОЖНИКИ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Н. КНОРРИНГ. Рисунок к повести Л. Воронковой «Золотые ключики».

Вспомните ваши первые книги. В них картинок было больше, чем слов. А может быть, только картинки и были. Вы тогда ещё не умели читать, а всё-таки поняли и запомнили всё, что было рассказано в этих книгах. Значит, можно без слов, одними картинками передать целый рассказ.

И когда-то, очень давно, когда люди ещё не умели писать, они так и делали: рисовали то, что нужно написать.

Много времени прошло, пока люди не придумали значки для каждого отдельного звука — азбуку.

И хотя для письма буквы гораздо удобнее любых картинок, а всё-таки и до сих пор картинки служат людям. И часто о том, что не расскажешь словами, не напишешь буквами, точно и понятно рассказывают рисунки. Чертежи, например, — а это ведь тоже рисунки — сразу, без всяких слов говорят инженеру, какова машина на вид, из какого материала сделаны её части и как она работает...

А портрет? Попробуйте-ка описать словами лицо человека так, чтобы можно было узнать его из сотни других. Это очень трудно, а рисунок, даже с марку величиной, сразу даст точное изображение человека.

Вот поэтому слово писателя и рисунок художника живут в книге рядом, стараются лучше, полнее, выразительнее рассказать о героях книги, о событиях, которые происходят с ними, и о мире, в котором они живут.

А бывает и так, что писатель сам начинает рисовать, чтобы лучше представить своего героя.

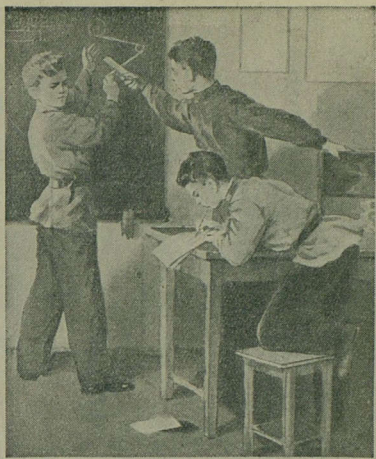

Д. ДУБИНСКИЙ. Иллюстрация к повести «Чук и Гек» Аркадия Гайдара.

Д. ШМАРИНОВ. Рисунок к роману «Дело Артамоновых» А. М. Горького

Л. МАРКЕВИЧ. Иллюстрация к повести «Звёздочка» И. Василенко,

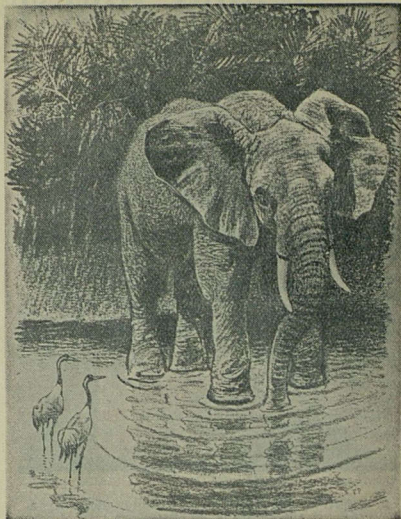
А. ЛАПТЕВ. Иллюстрация к поэме «Мёртвые души» Н. В. Гоголя.

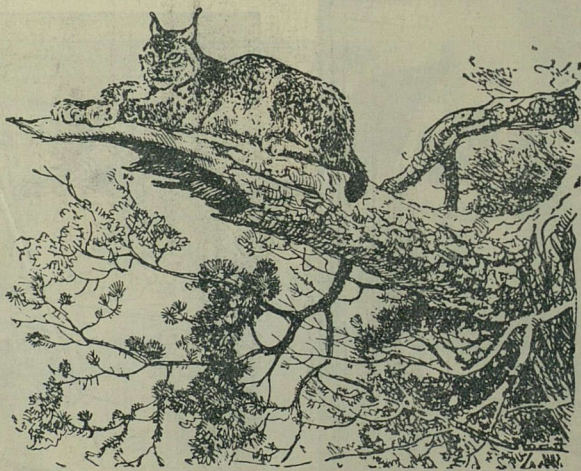
А. КАНЕВСКИЙ. Рисунок к сказке «Золотой ключик» А. Н. Толстого.

В. ЛЕБЕДЕВ. Обложка книги «Двенадцать месяцев»
С. Маршака.

И. РАЧЕВ. Рисунок к книге «Куда летал журавлин»
О. Иваненко.

Г. НИКОЛЬСКИЙ. Рисунок к книге «В Беловежской пуще» В. Чаплиной и Г. Скребицкого.

Сколько рисунков-портретов появлялось в листках рукописей Пушкина в те часы, когда он думал о своих героях! Тут и длиннокудрый Ленский, и Балда с бесенятами, и Мавруша с бритвой в руках, и сумрачный Онегин. Эти рисунки показывают, как ясно представлял себе Пушкин героев своих произведений, какими он их видел.

Часто бывает, что художник, задумавшись над творением писателя, так ясно представит себе героя, так точно сумеет передать его характер в рисунке, что читатель, однажды взглянув на такой рисунок, на всю жизнь сохраняет образ, созданный художником. Зайдёт, например, разговор о Тарасе Бульбе — и сразу перед глазами встанет богатырская фигура старого казака, показанная нам художником Кибрикбм. Героев сказок С. Маршака представляешь именно такими, какими увидел их на рисунках художника Лебедева. А когда вспоминаешь профессора из «Повести о настоящем человеке», тотчас же вспоминаешь и рисунок Н. Жукова «Пошёл!».

Не только о характере, но и о судьбе героя, о целой эпохе может рассказать художник.

Вот рисунок О. Берейского — это целый подробный рассказ о лихом партизане Метелице — герое повести А. Фадеева «Разгром». Взглянув на него, угадываешь и трудную жизнь, которую прожил этот человек, и самоотверженность, с какой он будет сражаться за свои идеалы, за лучшее будущее. Героическая суровая эпоха гражданской войны оживает перед нами.

Так иллюстрации помогают читателю лучше понять содержание книги, ярче представить её героев и обстановку, в которой они действуют и живут.

Вы читаете А. М. Горького и очень ярко представляете себе характеры его героев. Но ведь вы никогда не видели ни купцов, ни боярков, ни бедных крестьян, о которых рассказывает Горький. И даже если вы побывали в музее, если видели фотографии ночлежных домов и портреты людей того времени, всё равно только по документам вы не сможете себе представить героев книги так, будто видели их своими глазами. Но вот перед вами иллюстрации художников Кукрыниксы к книге Горького «Мать». Они не только воспроизводят типичные сцены, типичные лица: с большой силой показывают они самое главное — душевный мир революционерки, матери революционера, её благородство, силу, доброту, веру в победу своего дела. И вам кажется, что вы действительно видели Ниловну.

Нигде в мире не выпускается так много детских книг, как в нашей стране. Только Детгиз — Государственное издательство детской литературы — выпускает ежегодно до 50 миллионов экземпляров книг.

И нигде в мире книги для детей не издаются так хорошо, как в нашей стране. Самые лучшие художники считают высокой честью для себя работать в детской книге, помогать маленьким читателям глубже и полнее понять то, что рассказывает им писатель.

КУКРЫНИКСЫ. Рисунок к роману «Мать» А. М. Горького.

О. БЕРЕЙСКИЙ. Иллюстрация к повести «Разгром» А. Фадеева.

Мы поместили здесь иллюстрации к некоторым книгам, изданным в Детгизе. Посмотрите, как они разнообразны, как красочно и интересно оформлены книги для детей.

Д. Шмаринов,

заслуженный деятель искусств

СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ПИОНЕР

Дорогая редакция!

Я перешёл в шестой класс. Учусь хорошо. Меня выбрали председателем совета отряда. (Я очень люблю читать книги, газеты и журналы. В них много рассказывается о героическом труде советских людей, которые строят коммунизм.

Когда я вырасту, я тоже стану строителем коммунизма. Но, к сожалению, это будет ещё не скоро. И мне хочется узнать: а что можем мы, ребята, уже сейчас делать, чтобы помочь взрослым строить коммунизм?

Ким Высоцкий,

ученик 12-й школы. Город Горький.

Вопрос, который задаёт пионер Ким Высоцкий, несомненно, волнует множество советских ребят. Все ребята стараются принять участие в великих трудах народа — строителя коммунизма.

Письма, которые вы тут прочитаете, служат ответом Киму. Они показывают, что везде, в каждом деле, на каждом шагу ребята могут найти и находят, чем помочь взрослым, чем помочь Родине, её процветанию, её счастью.

Заботливые хозяева

Очень хорошо, что Ким Высоцкий стремится помогать взрослым в строительстве коммунизма. Мне хочется передать Киму историю, которую рассказал Пётр Александрович Александров, директор школы № 151 моего родного города Ленинграда.

Летом 1949 года строилась эта школа. Мальчики, которым предстояло здесь учиться, всё лето бегали смотреть на стройку. Однажды штукатур Иван Егорович Корнеев спросил их:

— Интересуетесь, поспеем ли к сроку?

— Интересуемся, — ответили они.

— Так не сомневайтесь, ребятки. Будет вам новая школа в срок!

Первого сентября директор сказал ученикам:

— Наш народ, занятый великими стройками коммунизма, не забывает о тех, кто сейчас должен учиться, чтобы потом создавать ещё более величественные сооружения; ведь вам предстоит жить и трудиться при коммунизме. Посмотрите, какую красавицу-школу получили мы сегодня! Рабочие-строители уверены, что вы будете бережно к ней относиться...

Честь первого дежурства по школе досталась шестиклассникам. В перемены они были на постах и зорко следили за порядком. И после уроков нигде не оказалось ни пятнышка, ни царапины. Так и повелось с первого дня: школьники ревниво следили за сохранностью и красотой своей школы.

Весной школу осматривала комиссия. На каждом подоконнике кудрявилась зелень, стены украшали произведения юных художников, а молодые яблони и вишни, посаженные ребятами, распускали в саду первые бело-розовые бутоны. Школе не понадобился летний ремонт.

В нынешнем учебном году ребята уже не зовут её новой: привыкли. Но и сегодня всё так же блестят в классах панели, так же сверкают двери, подоконники, парты, как в тот памятный день, когда строители передали её ученикам.

Разве эти ребята, берегущие народное добро, не помощники взрослым, строящим коммунизм?! Разве в них самих не проявляются яркие черты нового человека, для которого социалистическая собственность дороже личной?!

Леонид Шестаков.
Ленинград.

Огонёк

В нашей бригаде нынешним летом был большой праздник: колхозникам вручали ордена и медали за то, что они в прошлом году вырастили богатый урожай пшеницы. Когда награждённых поздравляли и все радовались и веселились, бригадир Кузьма Ильич Кожевник сказал:

— В такой день должны мы сказать спасибо и нашим дорогим помощникам.

А помощники — это пионеры.

Хлеб на наших полях убирают комбайны. Обычно, как только бункер наполняется зерном, комбайн приходится останавливать. А наши ребята

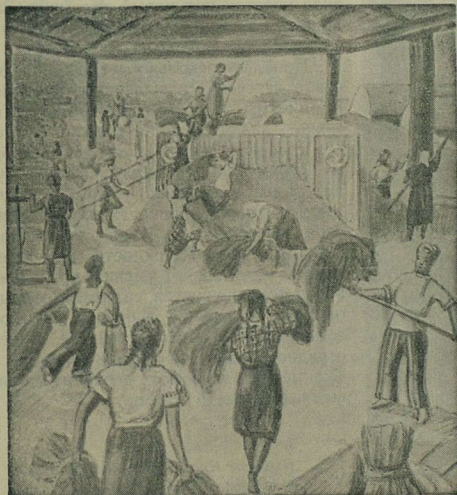
ухитрились освободить бункер на ходу: подъезжали к комбайну, и зерно из бункера текло по шлангу прямо в двигающуюся бестарку. Наполнялась бестарка, пионер гнал её на ток, а вместо него к комбайну уже подъезжал другой.

Хорошо работали ребята! Особенно отличался Коля Гуренко. Он везде попевал: и за ребятами следил, чтобы подъезжали один за другим, как по конвейеру, и сам умудрялся съездить лишний раз. За ловкость и сноровку прозвали его Огонёк.

Огонёк и его товарищи помогли нам убрать урожай раньше срока и первыми сдать хлеб государству.

Как это приятно, как радостно, что наши ребята растут такими хорошими хозяевами, что они уже сейчас стремятся помочь взрослым в великой стройке, которая идёт во всех областях нашей жизни!

Г. Л. Роменская,
агитатор первой полевой бригады колхоза
«Заветы Ильича». Азовский район,
Ростовская область.

Пионеры помогают колхозу «Победа» на молотье.

Рисунок Светланы Бойцовой.

Саженцы

В Узбекистане есть сад, о котором знают все ребята республики. Сад заложил много лет назад пионеры 5-й школы Ворошиловского сельсовета, Ташкентского сельского района. Прошлым летом в том саду уродилось около тонны яблок и персиков, много абрикосов и вишни. Всю зиму ребята ели свои фрукты.

Не раз пионеры нашей школы бывали у них в гостях, и нас всегда дружелюбно встречали. Пришли мы однажды к ним в пионерский питомник и видим у входа табличку: «Саженцы для Туркменского канала». Оказывается, у пионеров 5-й школы уже есть «неприкосновенный фонд древесной рассады» — около четырёх тысяч саженцев плодовых и декоративных деревьев.

Тут нас задело за живое.

— Вырастим тоже для Главного Туркменского канала тысячу саженцев! — решили мы.

И этой весной заложили питомник. Правда, в нём пока ещё только пятьсот семян, но мы с начала лета собирали косточки вишни и абрикосов. В дружинной лесной копилке уже около четырёхсот килограммов разных семян фруктовых и декоративных деревьев.

Недалеко от нашего кишлака раскинулись густые заросли дикого миндаля. Ветки так и клонятся под тяжестью плодов. Мы ждём, когда он созреет, этот миндаль. Нас несколько не тревожит, что он дикий. Все знают: человек научился перерабатывать дикое растение в культурные; наши ребята сами не раз уже делали прививки.

Сейчас всей дружиной мы подготовили участок под новый питомник. Заложим ещё одну «зелёную школку», сразу тысячи на две сеянцев.

...Пройдёт несколько лет, и наши деревца переселятся в бывшую пустыню Кара-Кумы. А потом ещё пройдёт, быть может, два—три года, и мы все вместе совершим путешествие по Главному Туркменскому каналу. Сколько будет радости, если мы узнаем в молодых, цветущих абрикосах или яблонях свои деревца! Ну, а если и не узнаем, всё равно нашей радости не будет конца, ведь Кара-Кумский край преобразится, покроется садами, которые останутся сыпучие барханы, укроют землю от палящих лучей. И будет отрадно сознавать, что где-то здесь, в Туркмении, зеленеют деревца, выращенные нашими руками.

Вазира Худайбердыева и Мархамат Максудова, как и все пионеры Янчи-Абадской школы, готовят саженцы для Туркменского канала. На фото: девочки собирают семена белой акации.

Пионеры Нигмат Ахмедов, Мархамат Максудова, Анвар Юлдашев, Халида Ибрагимова, Гани Одылов.

Кишлак Янги-Абад. Ташкентская область.

Украсим Родину садами...

Рисунок Эриста Борнсова.

Надёжная опора

то было в начале лета. После болезни я вышла в свой огород, опираясь на костыль. Вижу: мимо по тропинке идут двое ребят и несут на палке ведро с молоком. Палка совсем согнулась, вот-вот переломится. Я остановила их и дала им свой костыль с условием, что они быстро его мне вернут.

Прошло некоторое время. Вдруг вижу: к моему дому идёт целая толпа мальчиков и девочек в красных галстуках, с ними юноша-вожатый и те двое, которым я дала костыль. Это были пионеры из лагеря Тепло-строя.

Не знаю, откуда они выведали, что я старая учительница, из-за болезни не работаю и живу одна, но с тех пор ребята приходили ко мне каждый день. Они пололи и поливали у меня грядки, окучивали растения, подкармливали их. Словно цветы, атели среди зелени их галстуки.

Как-то проходила мимо одна старушка.

— Это что, родные твои? — спросила она у меня.

— Нет, не родные. Просто так помогают мне.

— Жизнь-то какая стала! — сказала она. — Счастливые мы!

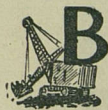
Это верно, счастливые! Тридцать три года обучала я и воспитывала детей в школе. Старалась передать им все свои знания, воспитать в них благородные чувства дружбы, любви к труду. Я думала: они будут жить в прекрасном коммунистическом будущем и должны быть достойными его.

Мой труд и труд других учителей не пропадает даром: в наших пионерах я с радостью вижу подлинно коммунистические черты.

Вот и эти ребята, как охотно и радостно они работают, сколько проявляют любознательности — всё их интересует, обо всём они хотят

знать, — с какой трогательной теплотой относятся они ко мне! Смотрела я на них и радовалась: вот они, люди нашего будущего. Они вырастут и бескорыстно отдадут свои знания и труд Родине, чтобы людям тепло и счастливо жилось на земле.

А. И. Мальцева,
учительница-пенсионерка. Станция «Правда»
Северной железной дороги.

О самом главном

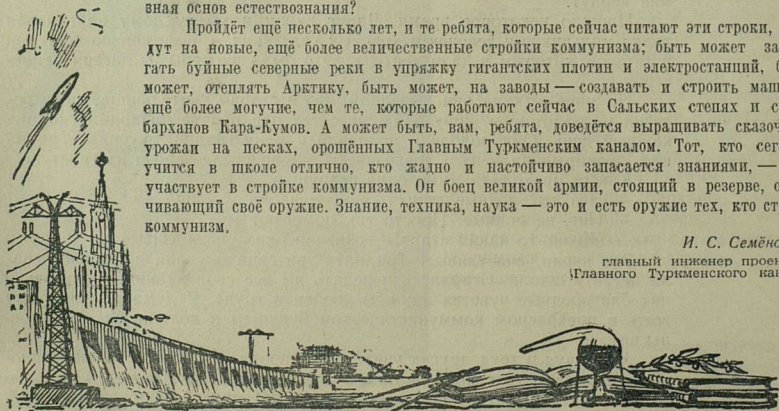
В ереницы автомашин движутся в пустыне Кара-Кумы. Там, где годами не ступала нога человека и только огромные ящерцы-вараны изредка пробегали по горячим пескам, сейчас белеют походные палатки, вечерами вспыхивают огни. Тысячи геологов и бурильщиков приехали в пустыню.

Пока в пустыне ведутся только изыскательские и подготовительные работы, но мы, проектировщики, уже теперь ясно представляем себе величественную картину будущего: мощный водный поток длиной в 1100 километров, пересекающий пустыню, грандиозные сооружения — гидростанции, шлюзы и плотины, — а вокруг на необозримых пространствах вместо жёлтых, безрадостных песков зеленеющие поля и сады и прекрасные белые города. Не удивительно, если не только взрослые, но и дети хотят принять участие в этой великой стройке. Не удивительно, что ребята уже сейчас собирают семена для будущих садов в пустыне. Юные пионеры-ленинцы поступают так, как учил Ленин, — отдают свои силы общему делу, каждый шаг своей практической деятельности связывают с трудом и борьбой своего народа. Но Ленин оставил вам, ребята, и другой завет: учиться! Для больших дел нужны большие знания.

Если бы меня спросили, чего больше всего на стройках, я бы, не задумываясь, ответил: машин. Всю работу за людей здесь делают сильные и умные машины. Они перетаскивают тяжести, роют и вынимают землю, вбивают сваи, возводят дамбы и плотины. Повелителями этих машин могут быть только люди с большими знаниями. Времена землекопов с лопатой и тачкой миновали. Управлять шагающими экскаваторами, например, доверяют только инженерам — так сложна эта машина. А земснаряд, который вынимает 1000 кубометров земли в час? Это не просто машина — это большой пароход; им командует капитан, механизмами ведают инженеры и техники. А может ли быть инженером или техником человек, не знающий математики и физики, которую вы изучаете в школе? Можно ли стать преобразователем природы, не зная основ естествознания?

Пройдёт ещё несколько лет, и те ребята, которые сейчас читают эти строки, придут на новые, ещё более величественные стройки коммунизма; быть может, запрыгать буйные северные реки в упряжку гигантских плотин и электростанций, быть может, отеплять Арктику, быть может, на заводы — создавать и строить машины ещё более могучие, чем те, которые работают сейчас в Сальских степях и среди барханов Кара-Кумов. А может быть, вам, ребята, доведётся выращивать сказочные урожаи на песках, орошённых Главным Туркменским каналом. Тот, кто сегодня учится в школе отлично, кто жадно и настойчиво запасается знаниями, — уже участвует в стройке коммунизма. Он боец великой армии, стоящий в резерве, отдающий своё оружие. Знание, техника, наука — это и есть оружие тех, кто строит коммунизм.

И. С. Семёнов,
главный инженер проекта
Главного Туркменского канала.

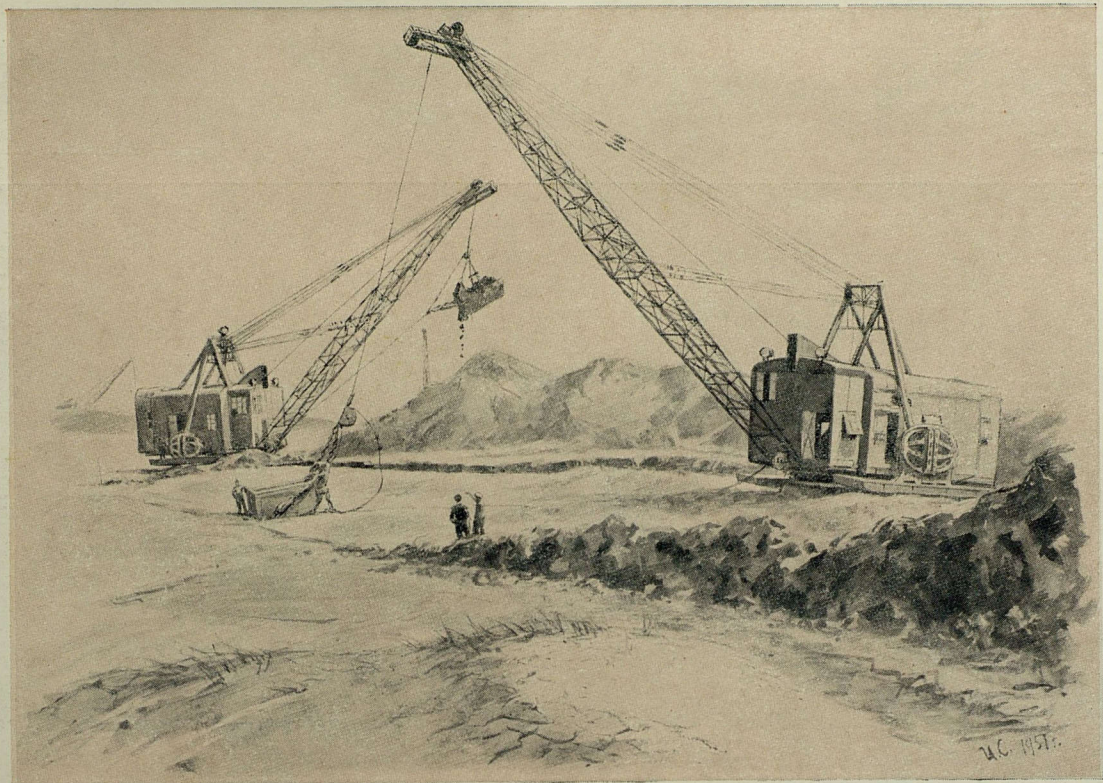

ДЛЯ СТАЛИНСКИХ СТРОЕК.

В. Мешнов.

ШАГАЮЩИЕ ЭКСКАВАТОРЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЦИМЛЯНСКОГО ГИДРОУЗЛА.

Зарисовка с натуры И. Семёнова.

ШЕЛКОПРЯД на севере

Когда-то шелководство было развито только в тёплых странах: Индии, Южном Китае, Туркмении, Узбекистане, Японии. Тутовый шелкопряд не признаёт другой пищи, кроме нежных листьев шелковицы — тутового дерева, а тутовое дерево растёт там, где тепло.

У нас, в Советской стране, научились выкармливать тутового шелкопряда севернее: в Закавказье, на Кубани, в южной части Украины. Дальше к северу шелковица пока не растёт, а значит, не может жить и тутовый шелкопряд.

Но есть другой шелкопряд — дубовый. Он даёт прочный и красивый шёлк. Если разводить дубового шелкопряда, шелководство продвинется на тысячи километров к северу; его границей будет граница дубовых лесов.

А нельзя ли ещё севернее развить шелководство, там, где уже и дуб не растёт или его мало? Такую задачу поставили себе юнаты школы № 38 города Кирова.

О том, как они решали её, как смело, по-мичурински, «перевоспитывали» дубового шелкопряда, изменяли его природу, его привычки, рассказывают здесь Альберт Веденин и Аполлос Прокошев — участники этой работы. Рисунки к рассказу делал их товарищ и соученик Николай Смирнов.

Странное письмо

К нам в юнатский кружок пришло письмо. Когда мы распечатали его, из конверта поползли капле-то чёрненькие маленькие червячки. В чём дело? Ответ заключался в листочке бумаги, на котором было написано:

«Дорогие ребята! Посылаем вам грену дубового шелкопряда. Гусеницы шелкопряда питаются дубовыми листьями, а вы заставьте их есть другой корм. Желаем вам успехов».

Мы все разом посмотрели в окно: деревья печально покачивали голыми ветвями. Легко ска-

зать — другой корм! Гусеницы шелкопряда вывелись из грены в конверте, совсем не учитывая, что они едут на север, где ещё даже почки на деревьях не распустились! Чего только мы не предлагали им: зелёную травку, комнатные цветы, раздавленные почки деревьев и кустарников, тёртую морковь. Всё напрасно!

И вот в один дождливый день прибежал в школу мокрый насквозь, но сияющий Вадик Петров.

— Есть!.. Едят!.. — закричал он с порога. Оказывается, Вадик дал гусеницам почки соцветия берёзы, и гусеницы стали их поедать.

Шли дни. Однажды Игорь Машковцев, придя домой, увидел, что гусеницы у него стали вялыми, и, посчитав больными, выбросил их. А гусеницы просто собирались линять.

После этого Яков Дмитриевич Бунтов, руководитель нашего кружка, стал проводить с нами беседы по биологии дубового шелкопряда.

Между тем у нас вывелось второе поколение гусениц. Но уже наступила осень, начался листопад, медленно падали листья, устилая землю разноцветным ковром. Хоть и мало времени осталось до завивки кокона, но гусеницу не поторопишь: она соблюдает свои сроки, ей нет заботы, что падают листья, что исчезает корм. Зато нам была забота! Чем теперь кормить шелкопрядов? Мы нашли выход. Последние дни мы докармливали гусениц сухими берёзовыми ветками, размоченными... в сахарном сиропе. Гусеницы охотно поедали новое блюдо. Кокконы они завивали нормальные.

Первые успехи

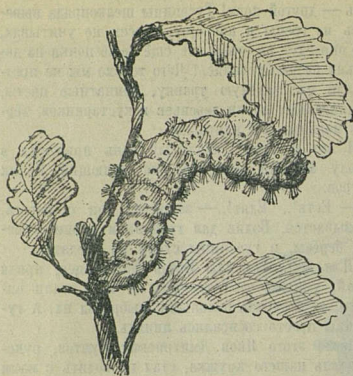
нова весна... Шестьдесят пять коконов, завитых осенью, благополучно перезимовали в школе, и мы ждём, когда выйдет первая бабочка.

Наконец-то! Вот она сидит и расправляет свои ещё влажные крылышки. Кажется, что такой красавицы ты ещё не видел! Почему-то первая из вновь вышедших бабочек всегда кажется самой красивой. Все ребята, столпившись вокруг неё, наперебой говорили друг другу:

— Какая красивая! Гляди, ушки, будто папоротник!

Любуюсь «новорожденной», старые члены кружка натуралистов давали пояснения новичкам, строили планы на будущее.

Да! Теперь мы набрались опыта и знаний. Теперь никто не выбросил бы линяющих гусениц, посчитав их больными, как случилось когда-то с Игорем. И уже никто не залил бы гусениц водой, желая их лапоить, как это сделал брат Вадика Петрова. Нет, недаром вечерами собирались мы в школе, когда за окном

Гусеница пристроилась к листочку...
Рисунок Николая Смирнова.

бушевала вьюга и порывистый холодный ветер бросал в окна пригоршни снега.

Пока мы толпились вокруг коробки с бабочкой, Альберт Веденин отошёл в угол к полке с книгами. Через минуту с лёгким возгласом удивления он обернулся к нам. В руках у него была брошюра о дубовом шелкопряде.

— Яков Дмитриевич, — сказал Игорь, — здесь ясно написано, что бабочка дубового шелкопряда выходит из коконов только вечером и притом ровно в восемь часов. А ведь сейчас утро!

Все ждали, что скажет Яков Дмитриевич.

— Что ж, друзья, давайте соберёмся снова после уроков и проследим, когда начнётся массовый выход шелкопрядов: ровно в восемь или нет? Может быть, не случайно эта бабочка нарушила прочно установившиеся привычки своего вида.

Вечер. Половина шестого, но все уже в сборе. Мы сидим вокруг коробки, в которой лежат коконы, и не спускаем с них глаз. Вот и восемь часов, а бабочек всё нет. Только около девяти вечера конец одного кокона начал пачкаться, и вскоре мы увидели, как бабочка, раздвинув лапками тонкие шелковинки, закрывающие выход, просунула наружу головку.

— Смотри, смотри! — шепчут ребята, точно боясь спугнуть бабочку.

А бабочка, делая волнообразные движения своим телом, силилась выбраться из кокона. Вот наконец ей это удалось. Она мокрая, тельце её сильно вытянуто, крылья смяты и похожи на тряпочки. Она ещё не может летать; ползёт вверх по стенке коробки и слегка трепещется. Крылышки её своим весом и притекающей к

ним кровью расправляются, и вот перед нами бабочка, как две капли воды похожая на первую.

После этого начался массовый выход бабочек из коконов. Они выходили и утром, и поздно вечером, и днём.

Мы ликовали. Ещё бы! Ведь перед нами был яркий пример расшатывания наследственности. А расшатывание наследственности животного или растения помогает изменить его природу.

Бабочки отложили двадцать два с половиной грамма гренн. Из неё должно было выйти около 22 500 гусениц. В этот год мы решили выкармливать их в школе, а не по домам у юннатов. Каждый день мы собирались в школе, делали подставки для банок, укрепляли банки на подставках, готовили помещение. И вот наступил день, когда все приготовления были закончены. Надо было присмотреть берёзы, с которых брать корм: ведь каждая гусеница, пока не превратится в куколку, съедает сорок — пятьдесят граммов листа.

Когда мы пришли в парк, оказалось, что берёзы очень высоки и взобраться на их гладкие стволы не решились даже самые отчаянные наши верхолазы. На другой день мы снова собрались под теми же злополучными берёзами. Почему-то не шёл Славик Ветошкин.

— Пойдёмте к нему! — предложил кто-то. — Может, он что-нибудь придумал...

Славика мы застали во дворе. Перед ним лежал длинный шест, на конце которого он под углом укреплял лезвие ножа. Это был «прибор для срезания веток».

На цветной бумаге

Д ень выхода гусениц из гренн наступил. Вот они, наши питомцы, уже ползая по столу в поисках пищи и, встретив берёзовый листочек, активно принимаются за еду. Этим гусеницам предстояло вынести очень тяжёлые условия жизни. Мы решили проводить выкорм в раздевалке школы, которая не отапливалась, где температура на четыре — пять градусов ниже той, которая привычна для шелкопряда, а влажность воздуха выше нормы. Мы не ждали «милостей от природы» и поэтому не бдвали гусениц хорошими условиями жизни, и всё же шелкопряды росли, развивались...

В прошлый год мы заметили, что некоторые коконы выделяются своей шелкоewisтью и безизной из всех остальных. Насчёт этого мы строили догадки и теперь по совету Якова Дмитриевича решили их проверить. Букеты берёзовых веток стали похожи на разукрашенные

новогодние ёлки, только на ветках у нас были не случайные игрушки, а разноцветные обрезки бумаги. Гусеницы завивали коконы среди этих обрезков, и самые белые коконы получились на белой бумаге. Предположения наши блестяще оправдались. С этого времени мы стали вести отбор коконов по оттенкам для получения природно-окрашенной шёлковой нити.

Мы выслали в Институт шёлка для технологического анализа пятьсот коконов. И вот через некоторое время почтальон принёс в школу большой пакет, адресованный нашему кружку. Поспешно вскрыв его, мы увидели моток шёлка, приготовленный из наших коконов, кусок готовой шёлковой ткани и письмо, в котором сообщалось, что шёлковая нить наших шелкопрядов получила положительную оценку. Какую радость доставило нам содержание этого пакета, сказать трудно.

Испытание морозом

Вот уже прошла золотая осень, выпал первый снег. На его нежном, пушистом слое можно было видеть следы ног, ведущие к снежному холму в углу двора, у забора. В сугробе, под ящиком, в стеклянной банке лежали семнадцать коконов, которым суждено было оставаться здесь, под снегом, в течение всей долгой северной зимы с сильными морозами, с суровыми метелями, с холодным, пронизывающим ветром. Поднявшаяся ночью вьюга замела наши следы и покрыла холмик у забора толстым покрывалом. Там и прележали коконы всю зиму.

А когда с первыми весенними лучами заплакали ледяные сосульки под крышами, стаял снег, и обнажился ящик, в котором лежала банка с семнадцатью коконами.

Да, интересно, как поведут себя гусеницы из перезимовавших коконов. Живы ли они вообще? И вот как-то майским вечером, рассевая наши сомнения, начался выход бабочек. Значит, куколки без вреда перенесли суровую зиму!

Пока мы сдавали школьные экзамены, из грены, отложенной нашими бабочками, появились гусеницы первого возраста. Мы стали готовиться к выезду в лес, чтобы проверить приспособленность наших шелкопрядов к северу.

Шестого июля часов в пять вечера мы собрались в школе. Плотной обтянутой марлей садок поместили на телегу, обложили сном и бережно опустили в него берёзовые ветки с шелкопрядами. Взяли латку, ведра, продукты, — словом, всё, что необходимо для жизни в лесу.

И вот мы в пути. Мерно покачивалось из стороны в сторону наше сооружение, низкие лу-

...Раздвинув тонкие шелковинки, из кокона появляется бабочка.

Рисунок Николая Смирнова.

чи солнца освещали зелень внутри садка. Прохождение с любопытством смотрели на нашу процессию. Вот город уже еле виден в дымке тумана. Впереди показалась зелень леса. Мы въехали в него и приблизились к месту, облюбованному Яковом Дмитриевичем. Это была продолговатая поляна, с одной стороны которой тянулась берёзовая рощица, с другой — низкий кустарник. Смеркалось. Косые лучи солнца уже не грели.

— Ну, ребята, давайте располагаться на ночлег, — сказал Яков Дмитриевич, разжигая костёр. — Гусениц высадим на берёзы с утра: сейчас уже темно.

Вскоре весело заиграли пламя костра, освещая берёзовые стволы...

Проснулись мы на рассвете от сковавшего нас холода. Что же с гусеницами? Ведь в литературе о шелкопрядах указывается, что гусеницы переносят температуру лишь до нуля, а наш термометр показывал четыре градуса ниже нуля! Бедные шелкопряды! Они лежали неподвижно на сизых от иея листочках берёзы, но обнаружив никаких признаков жизни. Некоторые со звонким стуком, как стекляшки, падали на дно садка, когда наши пальцы прикасались к ним.

— Да-а!.. — протянули мы, печально глядя на Якова Дмитриевича, а он, растеряя покрасневшие руки, задумчиво произнёс: — Серьёзное это испытание...

Медленно тянулось время. Вот лучи солнца скользили по верхушкам деревьев и опустились на землю, осветив сквозь марлю зелень веток в садке и наших гусениц!

— Скорее, скорее сюда! — вдруг закричал Володя Кондратьев, стоя у садка и напряжённо вглядываясь. Мы бросились к нему. — Ура! — приплясывал от радости Володя.

Почти все шелкопряды шевелились, а некоторые уже деловито ползли по веточкам, отыскивая лакомый листочек. Это была новая победа.

Быстро рассадили мы гусениц по берёзам, оцепили участок цветными флажками для отпугивания птиц и подсчитали погибших гусениц. Их оказалось не так уж много: около сорока.

Для прохода в хлопотах, трудах и тревогах. Все «воевали» с птицами, применяя всевозможные приёмы борьбы: Володя дежурил у конца бе-

...Вот она сидит и расправляет крылышки.
Рисунок Николая Смирнова.

Действительно, опытный глаз нашего руководителя во многих местах обнаруживал коконы.

— Посмотрите, вот там, на верхушке, листья что-то в комок свёрнуты, — говорил он время от времени.

Мы взбирались по лесенке-стремянке, которую для этого смастерили сами, и, действительно, находили кокон.

В следующие дни работать приходилось очень много. Надо было искать коконы, обрезать их с веток. Надо было пересаживать особенно бесплодных гусениц с обледенных веточек на целые. Но таких гусениц оставалось уже совсем немного, большинство гусениц уже приступили к завивке коконов.

Новые планы

И вот на двенадцатое августа назначено возвращение домой. Чтобы не задерживаться, мы решили сложить свои вещи накануне. Вечером недалеко от входа в палатку разожгли прощальный костёр. Огромный столб пламени взвился над лужайкой. Светло стало, как днём. При свете костра мы быстро собрались в дорогу и, загасив огонь, легли спать. Часов в шесть утра прибыл грузовик. Мы сложили палатку, тридцать семь дней служившую нам защитой от дождя и ветра. Наши вещи были уложены на дно грузовика, сюда же были положены сети, служившие нашим зелёным питомцам защитой от птиц. Коконы везти на машине было опасно, так как тряска вредит куколкам. Мы решили нести их в корзинах. Всё, что лежало в кузове, было покрыто палаткой, и грузовик тронулся. Вслед за ним двинулись в путь и мы. Прощай, луг, прощайте, берёзки! До следующего лета!

«Вот и всё», — скажете вы. Да, пока всё, но это ещё не конец нашей работы. Мы сумели настолько приучить дубового шелкопряда к берёзовому корму, что теперь, пожалуй, его можно уже называть и берёзовым шелкопрядом. А коконы его несколько не уступают по своим качествам коконам шелкопряда, вскормленного на дубе. Нам нужно ещё проверить, что будет, если в лес отвезти не гусениц, а грену: может ли весь цикл развития нашего шелкопряда проходить в природных условиях? Если может, значит, мы получили вид шелкопряда, который не боится резких изменений температуры в любой стадии своего развития и может жить под открытым небом, питаясь берёзовым листом в полосе северных смешанных лесов. А взгляните на карту — какую площадь занимают эти леса!

чевы с флажком, время от времени подёргивая его; флажки качались, отпугивая птиц; Прокошев ходил по лесу, барабана палкой о железный котелок и изредка издавая боевой, воинственный клич; Альберт Веденни стрелял холостыми патронами из двустволки.

Стояла холодная, сырая погода с северным ветром, а гусеницы развивались прекрасно. Но, проснувшись однажды утром, мы со страхом увидели, что термометр показывал минус семь градусов. И всё же к середине дня гусеницы наши ожили.

— Ну и молодцы! — восхищались мы.

Потом Яков Дмитриевич привёз сети, и мы надёжно укрыли шелкопрядов от разбойных птичьих налётов.

Кокон в лесу

Первого августа произошло событие огромной важности. Мы обходили деревья, на которых раньше кормились гусеницы, и нашли то, чего не ожидали: большой кокон! Первый кокон, завитый дубовым шелкопрядом на воле, в северном лесу, на северной берёзе. Кокон был ещё совсем мягкий, с лёгким розовато-коричневым оттенком. Ура! Ура! Мы ликовали. Хотелось петь и смеяться. В том, что гусеницы могут жить и нормально развиваться под открытым небом, мы к этому времени уже были уверены, но сомневались, смогут ли они на ветру, под дождём завивать коконы. И вот один кокон завит. Теперь нам хотелось более веских доказательств: массовой завивки коконов.

Пятого августа с утра мы взяли пять гусениц из различных частей садка. Осмотрев их, Яков Дмитриевич сказал:

— Массовая завивка скоро должна начаться, а разведчики (так называют первых гусениц, начавших завивку коконов) уже должны быть сейчас. Пойдёмте-ка, посмотрим повнимательней, может быть, и найдём что-нибудь.

МАРШ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Слова Е. Долматовского

Музыка С. Туликова

Темп марша. Энергично и жизнерадостно

Пение *mf* *Одн.*

1. Мы жи-вем под солнцем зо-лотым,

друж-но жи-вем. Мы гор-ды О-те-чством своим, лю-бим свой дом.

Мы горды О-те-чством своим, все пу-ти от-крыты мо-лодым. Свет-лые кра-я — ро-ди-на мо-я,

Припев *всё*

всю-ду у те-бя дру-зья. Мы все за мир! Клят-ву даю на ра-ды. Мы все за

мир! Пусть зе-ле-ные вхо-ды! Мы все за мир! Ре-жут знамена сво-

-бо-ды. Мо-ло-дость цветет, мо-ло-дость зовет, мо-ло-дость и дет-вие-ред! *ред*

Текст песни смотри на странице 16.

Монгольские сказки

Записала и обработала В. Клюева

Рисунки В. Федяевской

БЫЛА ЛИ У НОЁНА ГОЛОВА

Жил-был один гордый-прегордый ноён — князь. Как все ноёны, он сидел на высоком сиденье из соболей и оттого был на голову выше всех своих подчинённых.

Однажды поехал ноён со своей свитой на охоту. К вечеру усталые охотники захотели отдохнуть. Перед ними расстилась ровная каменистая степь; кроме колючих кустарников, на ней возвышалось только одно дерево, корявое и раскидистое. Стали располагаться на ночлег и тут спохватились, что не взяли с собою никакого кресла, чтобы посадить ноёна и самим расположиться у его ног. Ведь рядом с остальными ноён не захочет сидеть!

Когда один из приближённых, униженно кланяясь, знаками пригласил ноёна сесть, ноён презрительно сказал: «Пфф!» — и отрицательно закачал головой так, что задрожал шарик-джинс — знак достоинства — на его шапке. Ведь ноён не унижался до разговора со своими приближёнными.

Что было делать? Долго думали, гадали. А ноён всё не садился.

И вот один из приближённых сказал: — Давайте пригнём верёвкой к земле толстую ветку дерева и посадим на неё ноёна, как в кресло.

Так и сделали. Но когда ноён важно уселся на ветку, верёвка оборвалась.

Взлетел ноён в воздух, и так его ударило по голове другой веткой, что голова отлетела далеко в сторону.

Испуганные слуги подобрали тело своего господина и отправились искать голову. Шагах в пятидесяти от дерева лежала какая-то голова. Слуги подобрали её.

— Скажи, Ценде, — обратился один слуга к другому, — это ли голова нашего ноёна?

— Откуда мне знать! — отвечал Ценде. — Разве я осмеливался глядеть в лицо нашему повелителю?

— Ну скажи ты, Жамьян, точно ли это голова нашего ноёна? — спросили другого слугу.

Но и тот ответил:

— Я так низко сгибался всегда перед ноёном, что не мог видеть его лица.

Так все слуги и приближённые один за другим не смогли сказать, точно ли это голова их ноёна.

Тогда один из них предложил:

— Отнесём голову святому ламе и спросим его. Мудрость учителя неиссякаема, и он, конечно, узнает, чья это голова.

Отнесли голову ламе. Тот оглядел её и сказал:

— На голове ноёна должна быть шапка. Если на шапке увидите джинс, значит, это и есть голова вашего ноёна.

Но во время падения шапка с джинсом

слетела, её нашли отдельно и опять не могли узнать, чья это голова.

Наконец один прохожий посоветовал слугам:

— Отнесите голову жене ноёна. Кому, как не ей, знать своего мужа! Она, конечно, скажет вам, точно ли это голова вашего ноёна.

Принесли голову жене ноёна. Она посмотрела и сказала:

— Может быть, его голова, а может, не его. Почём мне знать! Муж был злой-презлой, и я боялась глядеть ему в лицо...

Так и не узнали люди, чья это голова и была ли вообще голова у ноёна.

ТРИ МЕШКА СЛОВ

одного хана была дочь-красавица. Многие сватались к ней. Но хан объявил, что мужем его дочери сделается только тот, кто выполнит три задания.

Жил в том краю юноша, сын бедной вдовы. И захотелось ему взять в жёны ханскую дочь. Долго отговаривала его мать, но он не послушал её, отправился к хану и сказал ему:

— Я выполню три задачи. Говори!

— Хорошо! — ответил хан. — Вот тебе первая задача: ты должен три дня пасти сто зайцев и чтобы ни один из них не пропал. А пропадёт хоть один — голова твоя долую!

Приуныл юноша. Видит, дело плохо. Идёт он, печальный, домой, и попадаетеся ему навстречу бедный старик в рубище. Жалко стало юноше старика. Привёл он

его к себе, хоть и сам не богатей, разделил с ним еду, какая была, напоил чаем, а сам сидит — думает, как ему задачу ханскую выполнить. Старик давай его спрашивать, о чём он задумался. Юноша всё ему поведал. Вздохнул и говорит:

— Видно, завтра мне суждено с головой расстаться. Возможное ли дело — сто зайцев удержать!

Старик ему говорит:

— Не горюй! Я твоя беда помогу! Возьми эту дудочку. Как заиграешь на ней, все зайцы вокруг тебя соберутся, ни один не убежит. — С этими словами старик протянул ему тоненькую дудочку.

Взял юноша дудочку, поблагодарил старика. На следующий день пошёл он пасти зайцев. Играет на дудочке, они и не разбегаются.

В это время приехал хан посмотреть, как дела пастуха. Видит: все зайцы на месте — и расстроился: «Этак, пожалуй, придётся дочь отдать». Вот он и попросил:

— Дай мне, пожалуйста, одного зайца!

А пастух хоть узнал хана, но виду не показывает и отвечает:

— Зайца дам, если станешь передо мной на колени.

Делать нечего — пришлось хану на колени становиться.

Отдал ему юноша зайца, и хан, довольный, поехал домой.

А юноша как заиграет на дудочке — заяц прыг-скок и обратно к нему прибежал.

На второй день опять пасёт юноша зайцев, и снова к нему приезжает передетый хан.

— Дай мне, — говорит, — одного зайца!

— Хорошо, — отвечает юноша, — только поцелуй в морду свою собаку.

Не хотелось хану с собакой целоваться, но — делать нечего — пришлось.

Отдал пастух зайца, и поехал хан домой. Но как только дудочка заиграла, заяц от хана убежал, к пастуху вернулся.

Вот наконец и третий день настал. Пасёт юноша зайцев. Приезжает к нему на этот раз сама ханская дочка, передетая.

— Дай мне, — просит, — одного зайца!

— Если отдашь свои драгоценные уборы, так и быть, получишь одного зайца, — говорит пастух.

Отдала ханская дочка драгоценности и увезла зайца. А пастух заиграл на чудесной дудочке — заяц к нему тут же и вернулся.

Выполнил юноша первое задание — укараулил всех зайцев — и приходит к хану:

— Всё сделано, как ты сказал. Сосчитай зайцев!

— Хорошо! — сказал хан. — Вот тебе вторая задача: в высокой башне, окружённая верной стражей, сидит моя дочь. Пробрись к ней и выкради из шкатулки государственную печать.

Видит юноша, что тут не поможет чудесная дудочка. Идёт он, повесив голову, а навстречу знакомый старик. Рассказал ему юноша о своей печали. Старик его утешает:

— Ничего! Всё будет

хорошо. Собери только побольше железа и принеси мне.

Вот сделал старик большие часы. Механизм этих часов приводился в движение человеком, сидящим внутри. Посадил старик юношу в часы и повёз их на базар продавать. Ханские слуги увидели часы и тотчас же побежали к хану. Тот распорядился купить часы и поставить их в башню к дочери. Так и сделали. Ночью из часов тихонько вышел юноша, взял печать и опять спрятался в часы, но перестал приводить их в движение.

«Испортитесь часы», — подумал утром хан и послал за стариком. Осмотрел старик часы и сказал, что починить их может только у себя дома. Принесли часы к старику, выпустил он юношу, а механизм в часы поставил новый.

Изумился хан, когда принёс ему юноша выкраденную печать. Очень не хотелось ему выдавать дочь за простого арата. Долго он придумывал третью задачу. Наконец придумал:

— Вот тебе три мешка. Наговори столько слов, чтобы все три мешка до краёв словами наполнились.

Прослышал народ про это и собрался слушать, как юноша мешки словами наполнять будет. И хан приехал, заранее радуется. А юноша выступил вперёд, взял один мешок и начал:

— Однажды, когда я пас зайцев, приехал ко мне хан и стал просить у меня зайца, я ему сказал...

— Довольно, довольно! — прервал его хан, испугавшись, что юноша расскажет, как он перед ним на коленях стоял. — Один мешок уже полон.

Взял юноша второй мешок и говорит:

— На второй день опять приехал хан просить у меня одного зайца, я ответил...

— Прекрасно, прекрасно! — перебил хан, боясь, что юноша расскажет, как он собаку в морду целовал. — Второй мешок тоже полон.

— Хорошо! — сказал юноша. — На третий день пришла ко мне ханская дочь...

— Ну, я вижу, и третий мешок полон, — прервал его хан.

Так выполнил юноша все три задачи, и волей-неволей должен был хан выдать за него замуж свою дочь. Да только юноша отказался: не захотел жениться на глупой ханской дочери.

НАШИ ПЕРНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

А. А. Клыков,

кандидат биологических наук

Птицы — друзья и защитники наших садов, лесов и пашен от вредных насекомых — давно уже находятся под охраной советских ребят, школьников и пионеров.

Раннею весной вы, ребята, строите и развешиваете для них домики всяких конструкций, оберегаете птиц от «удалых» стрелков из рогатки и охотников за гнёздами. И правильно: этим вы помогаете птицам благополучно вывести и воспитать птенцов, увеличиваете пернатую армию друзей человека.

Осенью выросли и повзрослели птенцы, настало время перелётов в тёплые края. Вы провожаете глазами суетливые толпы ласточек, шумливые стаи скворцов и грачей: «Прощайте, до тёплых дней, до следующей весны!»

Но не все птицы улетают на юг; очень многие остаются. И зимой им подчас приходится туго — холодно и голодно. Тут ваша помощь будет очень и очень кстати.

Давайте оглядимся, где они, эти друзья, которым грозит беда.

Весёлые синицы стучат клювами по деревьям, достают из коры насекомых. На ветках рябины прыгает стайка снегирей и свиристелей. На высокой ольхе мирно перекликаются чечётки, а пёстрые щеглы с криком перепархивают с репейника на репейник. Зелёные чижи, переговариваясь, клюют шишечки старой ольхи, а по тёмным стволам ели ползают цепкие клесты, добравшись к веткам, на которых темнеют шишки, полные семян.

Большая синица.

Московка.

Хохлуша.

В конце лета эти птицы перестали заботиться о своём потомстве — они уже выкормили и воспитали птенцов — и теперь, осенью, стали собираться в стайки, начали жизнь обществом.

Проходит месяц, другой. Крепчают морозы. Уже объедены серёжки берёз, расклёваны сосновые шишки, ветер растрепал и унёс куда-то семена репейника. Птицы начинают голодать и мёрзнуть. Они жмутся к жилью, к селениям, к городу. Здесь надёжнее можно укрыться от непогоды, а может быть, и поживиться кое-чем.

Покидая леса, они появляются в рощах, парках, садах. Потом залетают в палисадники перед домами. Смелые синицы садятся на подоконники, заглядывают к нам в окна: они очень любопытны, непоседливы, драчливы. Всё-то им надо обследовать, рассмотреть, попробовать.

На первый взгляд все синицы одинаковы. А присмотрись — и увидишь разницу; одна из них, с оливково-зелёной спинкой, больше всех остальных. Её называют большая синица, или зиньзивер, или просто зинька.

Другая, московка, маховушка, или чёрная синица, чуть не вдвое меньше большой синицы. Спинка маховушки голубовато-серая. Голова, горло и шея чёрные.

Гайка, гайка, пухляк, болотная синица — это различные названия маленькой синички, пёрышки у которой сверху красновато-серого цвета. Головка у неё чёрная, будто на

Гаичка.

Лазоревка.

Моноплянка.

ней чёрная шапочка надета вплоть до затылка.

Гаичка — очень зябкая птица. Она одна из первых появляется зимой в наших садах и живёт около людей вплоть до весеннего тепла.

Летом все синицы охотятся за насекомыми, которые вредят сосновым и еловым лесам. Синица упорно, как дятел, работает клювом, постукивая по дереву в том месте, где спрятался усатый жук-дровосек, или там, где лежат его личинки. Стучит до тех пор, пока не отломится кусочек коры, под которой находится насекомое, его куколки или яйца. Отвалилась кора — и мигом добыча в клюве синицы.

Свиристель старательно выводит «нотки» своей песенки. Отсюда, наверно, и название этой красивой птички. Крылышки у неё чёрные с жёлтыми полосками, а сама она нежно-розового цвета.

Летом свиристели в сосновых лесах и рощах питаются двукрылыми насекомыми. Зимой же они едят ягоды рябины и можжевельника, из-за которых частенько ссорятся со снегирями.

Снегиря иногда называют краснозобик, потому что грудка у него ярко-красного цвета. Головка и крылья — чёрные с синеватым отблеском.

Зимой снегирей можно видеть в любом парке, где есть рябина. Неторопливо, тихо «переговариваясь» между собою, кормится стая снегирей. Едят они косточки рябиновых ягод, а мякоть выплёвывают.

У чечётки скромное сероватое оперение. Но на груди и на голове её выделяются яркими пятнами красные пёрышки.

Чечётки всегда в стае, всегда вместе. Если какая-нибудь из них случайно отстала, то вся стая поджидает её, зовёт, пока отставшая не присоединится ко всем остальным.

«Чет-чек», «Чет-чек!» однообразно чирикают они, ловко лазая по веткам старой берёзы или ольхи в поисках оставшихся семян.

При своих кочёвках чечётки объединяются с полевыми воробьями. Но ещё чаще их можно видеть зимой с чижами.

Чиж — по характеру тоже очень миролюбивая птичка. Он легко уживается со всеми птицами, близкими ему по повадкам и образу жизни. Чиж ладит и с чечётками, и с овсянками, и с воробьями. В поисках корма он так же ловко, как и синица, прыгает по веткам, перелетает с дерева на землю и обратно и всё время щебечет, перекликается с остальными чижами, облепившими берёзу.

Вдруг сигнал! Это подал голос старший чиж, вожак стаи. Вся стая поднимается в воздух и летит на другое дерево.

Чиж зимой очень наряден: желтовато-зелёный, головка и горло тёмные, над глазами жёлтые полоски, и чёрные крылья прочерчены двумя жёлтыми линиями.

На пушистом снегу чернеют заросли репейника. К ним прицепились и висят, словно пёстрые игрушки на ёлке, щеглы.

Ухватившись лапками за качающиеся на ветру стебли, они усердно выклёвывают семена. Оберут куст и с громкими криками летят к другому.

Так, собравшись в стаю по нескольку сот птиц, кочуют щеглы по полям, поросшим чёрными травами. Позднее они начинают посещать берёзовые рощи, речушки, где растут ольха и тополь. А в декабре стайки щеглов можно встретить уже в садах и парках большого города.

* * *

Гораздо реже у нас можно увидеть клеста. Это очень занятная птичка. Клёт, как попугай, может

Свиристель.

Снегирь.

Щегол.

висеть, прицепившись клювом к ветке, а потом, перевернувшись в воздухе, схватиться за ту же ветку лапками и повиснуть вниз головой. И всё это он продельывает ловко и быстро, словно акробат.

Концы его крепкого клюва так сильно загнуты, что они перекрещиваются. Чтобы достать семя сосны или ели, клётс сначала срывает своим толстым клювом шишку, затем крепко прижимает её острыми когтями к сучку, на котором сидит, и ловко выклёвывает семена из-под чешуек.

Вы, ребята, может быть, слышали, что клесты выводят птенцов не только летом, но и зимой. Это действительно так. Самочка клеста как снесёт первое яичко, так и не слетает с гнезда, пока не выведутся птенцы. А кормит её в это время клётс; он приносит ей семена хвойных деревьев.

Клесты настолько хорошо утепляют своё зимнее гнездо, что маленькие голые птенцы, вылупившиеся в декабре, не мёрзнут.

Но все эти живые, весёлые и подвижные птички с наступлением коротких дней, ранних холодов и заморозков становятся молчаливее. Всё время их уходит на поиски корма. Надо за короткий день успеть найти столько пищи, чтобы насы-

Клётс-еловик.

Овсянка.

титься. В декабре уже совсем мало времени на поиски пищи — всего-навсего шесть или семь часов. А тут ещё снег, метели, морозы.

Зимой птицы в беде, и вы можете им, ребята, дотянуть до весенних дней, устраивая «птичьи столовые». Ещё сейчас, осенью, соберите семена ели, сосны, репейника, чертополоха, мака, конопля. Заготовьте овсяной крупы, овса. Запасите еловых и сосновых шишек с семенами, засушите ягоды рябины, боярышника, дикой вишни и можжевельника.

Можно насыпать зимой в кормушки и другую еду: крошки хлеба, толчёные сухари, остатки каши, тёртую морковь, пшено.

Кормушками могут служить разного рода полочки, ящички, устроенные таким образом, чтобы их не засыпало снегом и ветер не сдувал корм. Но, размещая их, позаботьтесь о том, чтобы кошки и другие хищники не могли добраться до птичек.

Птицы очень скоро проведдают, где приготовлены эти «столовые», и будут каждое утро прилетать за кормом. Ведь память и зрение у птиц отличные.

Конечно, первыми поспеют, как всегда, воробьи. За ними — смелые синицы, а потом и другие прилетят.

ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ КОНЬКОБЕЖЦАМ

Не сгибая ног, коснись руками носка левой, а затем правой ноги.

Это упражнение называется «пистолетик». Приседа на одной ноге, вытяни другую ногу и обе руки вперёд.

Некоторые ребята считают, что сейчас самое скучное для спортсменов время: лето кончилось, а зима ещё не началась. Они не могут придумать, чем бы им заняться.

А зимой эти ребята будут огорчаться, что после первой лыжной прогулки у них болит всё тело, что в первый же вечер на катке у них разболелись ноги.

Для спортсмена не может быть скучного времени года. И ребята, которые действительно любят спорт, уже готовятся к зиме.

Давно начали свои тренировки конькобежцы школы «Юный динамовец». Каждый понедельник, среду и пятницу они аккуратно собираются на стадионе.

Полтора часа занимаются они здесь лёгкой атлетикой, фехтованием, делают разнообразные упражнения. Некоторые из этих упражнений вы видите здесь на снимках. Заканчивают свою тренировку ребята игрой в баскетбол, в волейбол, в теннис или в футбол.

Вы тоже можете уже сейчас готовиться к зиме, развивать в себе выносливость, силу, ловкость, резкость движений. Очень полезны для конькобежцев такие упражнения: делайте резкие выпады с левой и правой ноги, как делает их фехтовальщик, нанося удары. Сядьте, скрестив ноги, а потом попробуйте подняться, не помогая себе руками. Пройдите несколько шагов, приседая то на одну, то на другую ногу. Прыгайте в высоту и длину с разбега, отталкиваясь при прыжке то левой, то правой ногой; прыгайте и с места.

Два — три раза в неделю устраивайте пробежки по пересечённой местности на 500—1 000 метров. Такие пробежки развивают выносливость.

Дышать во время бега нужно через нос. Если дыхания не хватает, передохните,

Приседания на одной и на двух ногах очень полезны для конькобежца. Это — основное положение конькобежца.

Из основного положения конькобежца сильно оттолкнись одной ногой назад. Тяжесть тела при этом перенеси на выставленную вперед согнутую ногу.

пройдите несколько метров спокойным шагом и снова бегите.

Устраивайте и пробежки переменным темпом на 300—400 метров. Пробежав первые 100—200 метров в размеренном темпе, ускорьте бег, бегите метров 40 быстро, потом снова метров 100 в размеренном темпе и снова 40 метров в быстром. Заканчивайте бег быстрой ходьбой.

Советую вам, ребята, прочитать книги П. Ипполитова «Конькобежный спорт» и И. Петрова «Тренировка конькобежца».

Г. Кушин,
заслуженный мастер спорта

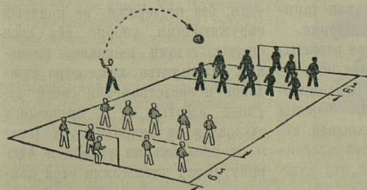
Подтяни выпрямленную ногу так, чтобы она коснулась коленом колена согнутой ноги, и оттолкнись другой ногой. При этом твой подбородок должен быть над коленом согнутой ноги.

ПОИГРАЕМ!

Эту игру очень любят в 54-й московской школе. В ней есть элементы волейбола и баскетбола.

Площадка для игры расчерчивается так, как показано на рисунке. В центре размещаются игроки нападения, перед воротами — игроки защиты. Ворота должны быть полтора метра в высоту, а в длину — два метра.

Играют две команды по десять человек: пять нападающих, четыре защитника и вратарь.

Начинается игра с центра поля. Судья вводит мяч в игру броском.

Нападающие играют по правилам баскетбола. Они могут ловить мяч, перехватывать его на лету, брать мяч с земли и бросать его одной или двумя руками. Они стараются забросить мяч в ворота противника. Заходить за черту защиты нападающие не имеют права; они играют только на центральной части площадки.

Защитники охраняют ворота. Они играют только на своей площадке и отбивают мяч по правилам волейбола: отбивают мячи с воздуха и отскочившие от земли.

Вратарь имеет право ловить мяч, отбивать его руками, туловищем и головой, но ему запрещается бить по мячу ногой. Он может только задержать мяч ногой.

При нарушении правил одной из команд противники имеют право на штрафной удар с границы площадки.

Игра эта обычно проходит в быстром, напряжённом темпе, поэтому играть следует не более 10—15 минут с двухминутным перерывом в середине игры. Выигрывает команда, забившая в ворота противника больше мячей.

О зелёном мире, его исследователях и преобразователях

Зелёный мир окружает нас. Не только в поле, где нога ступает по мягким травам и перед глазами колыхнется необозримый океан хлебов, не только в лесу, где шумят тёмными кронами сосны и на лужайках зреет земляника. Зелёный мир вокруг нас повсюду. Он стучится в наши окна ветвями деревьев, он шлёт хозяевам на кухню своих посланцев — кочаны капусты, морковь, клубни картофеля. Одежда, которую мы носим, соткана из волокон зелёных растений — льна или хлоп-

чатника, — из шёлковой нити, которую свил шелкопряд, вскормленный зелёным листом. Стол, за которым мы сидим, был могучим дубом в густом лесу; даже чёрный каменный уголь, добытый из недр земли, был когда-то, миллионы лет назад, лесом гигантских папоротников и хвощей.

О зелёном мире рассказывает прекрасная книга великого русского учёного Климента Аркадьевича Тимирязева «Жизнь растений».

Читая её, вы узнаете, как устроено растение, как и почему прорастает семя, как питаются растения, как оно растёт, цветёт, приносит плоды. Вы заглянете в таинственную лабораторию зелёного листа, где создаются органические вещества — носители жизни.

Долгие годы люди думали, что листья растений существуют только для украшения. Тимирязев раскрыл тайну зелёного листа. Он показал, как под действием солнечного света в зелёном листе из простых веществ — кислорода, водорода и углерода — создается сложное вещество — крахмал.

Тимирязев показал, какое значение для развития жизни на земле имела эта маленькая таинственная зелёная лаборатория.

С юных лет стремился разгадать тайны растений другой русский учёный — Иван Владимирович Мичурин. Изучая законы жизни растений и открывая новые, он стал переделывать свойства растений так, как это нуж-

но для пользы человека. Шестидесять лет жизни посвятил Мичурин этому благородному делу. Он создал сотни новых сортов растений, выносливых и морозостойких, дающих вкусные плоды. Он заставил нежных южан — абрикосы, персики, виноград — жить и плодоносить в краях с суровой зимой. Неоценимы заслуги этого замечательного учёного перед Родиной и наукой. О жизни и работе Ивана Владимировича

Мичурина рассказывает талантливая книга Вячеслава Лебедева «Преобразователь природы».

Из этой книги вы узнаете о детстве Мичурина, поймёте, как в нужде и невзгодах формировался его стойкий и сильный характер. Вы прочтаете о том, как он один, без поддержки, не понятый окружающими, упорно вёл свои опыты, годами добиваясь желаемых результатов, как, остро нуждаясь в средствах для своей научной работы, он с презрением отказался от американских денег и от предложения уехать в Америку. Перед читателями этой кни-

ги возникает светлый и яркий образ русского учёного, великого труженика на благо народа.

Нельзя без волнения читать его письмо к Иосифу Виссарионовичу Сталину. «Дорогой вождь народа! — писал Мичурин. — Разрешите Вам написать вот что: Советская власть превратила начатое мною шестьдесят лет тому назад дело выведения новых сортов плодов во всенародный центр промышленного плодоводства с тысячами гектаров садов, с великолепными лабораториями, с хорошими научными работниками...

Сбылась мечта моей жизни; выведенные мною сорта двинулись с опытных участков не к богатейшим кулакам, а в колхозные и в совхозные сады...»

Буржуазные учёные пытались отрицать научные достижения Мичурина. Но мичуринская наука, как и мичуринские растения, создана, живёт и развивается. Дело Мичурина продолжают его ученики. Они не ждуг милостей от природы, они берут их сами, создавая новые сорта растений, добываясь небывалых урожаев на полях, лугах и в садах нашей Родины.

Кто же эти ученики? Это со-

ветские учёные во главе с Трофимом Денисовичем Лысенко, это тысячи агрономов, колхозников-опытников, мастеров высоких урожаев. Мичуринская наука стала подлинно народной. О борьбе Мичурина, о научных открытиях его учеников ярко и образно рассказывает в своей книге «Земля в цвету» писатель В. Сафонов.

Эта книга очень интересна. Её читателю станут близкими образы борцов за науку, понятен смысл их упорного и самоотверженного труда. История открытия и завоевания зелёного мира, полная жестокой борьбы и величайших побед нового над старым, науки над лженаукой, возникает перед ним. Вы узнаете, как со-

здавалась советская биологическая наука, как советские учёные открыли законы плодородия.

Работе советских биологов-мичуринцев посвящена и книга Геннадия Фиша «Советская быль». В ней три очерка о советских учёных, об их самоотверженной преданности науке и Родине. Из этой книги вы узнаете, как ленинградские учёные во время блокады, умирая от голода, сохраняли богатейшую в мире коллекцию семян зерновых и картофеля. Вы узнаете и о том, как советские учёные нашли новый способ уничтожения злейшего вредителя посевов — черешанки, как удалось добиться невиданных урожаев проса благодаря содружеству учёных с колхозниками. С народом и для народа — так работают последователи Мичурина — Лысенко и его ученики.

Четыре книги перед вами. Они откроют вам тайны зелёного мира, помогут понять его законы. Они научат вас задавать природе вопросы и получать на них ответы. Они заставят вас полюбить знание, науку так, как её любили и любят великие учёные нашей страны.

А. Елагина

Повесть об автомобиле

Книга так и называется — «Повесть об автомобиле», и, хотя нет в этой повести ни героев, ни приключений, она читается, как настоящая интересная повесть.

Это и понятно. «Герой» этой книги — автомобиль — занял такое важное место в жизни и хозяйстве нашего народа, что вряд ли найдётся

читатель, которому не интересно по-больше узнать об автомобиле, о его прошлом, о его сегодняшнем дне и о том, каким автомобилем будет завтра.

Обо всём этом просто и интересно рассказывает книга Ю. Долматовского, выпущенная недавно издательством «Молодая гвардия».

Если ты внимательно прочтёшь эту книгу, ты многое узнаешь о «предках» автомобиля, о том сложном и долгом пути, который прошёл автомобиль, прежде чем превратился в быстроходную, надёжную машину. Ты с интересом прочтёшь о том, как наша страна за короткий срок вышла на первое место в Европе по авто-

мобилестроению, и о том, как трудятся советские изобретатели и конструкторы, чтобы наш автомобиль стал ещё удобнее, ещё красивее, ещё совершеннее.

Интересно прочитать об этом, но ещё интереснее, ещё важнее узнать о том, как работает современный автомобиль.

Автомобиль — очень сложная машина. Рассказать о его работе нелегко. Но автору «Повести об автомобиле» удалось это сделать.

Ты прочтёшь эту книжку, как интересный рассказ, и к тому времени, когда тебе впервые придётся взяться за рулевое колесо, ты сразу вспомнишь о работе и сложном хозяйстве автомобиля. Вспомнишь — и скажешь спасибо автору этой интересной книги за то, что он ответил просто и ясно на множество вопросов, которые давно волновали тебя и твоих товарищей и часто оставались без ответа.

А. Некрасов

Какие слова?

Замените чёрточки буквами с таким расчётом, чтобы в каждой строчке получилось слово (имя существительное). Напечатанные здесь буквы алфавита должны при этом остаться на своих местах.

— а —	— к —	— х —
— б —	— л —	— ц —
— в —	— м —	— ч —
— г —	— н —	— ш —
— д —	— о —	— щ —
— е —	— п —	— ь —
— ё —	— р —	— ы —
— ж —	— с —	— э —
— з —	— т —	— ю —
— и —	— у —	— я —
— й —	— ф —	

Предложите эту задачу своим товарищам и попробуйте устроить состязание: кто первый заполнит словами все строчки?

Повторите игру, подбирая такие слова из семи букв, чтобы среднее место в каждом слове занимала очередная буква алфавита: — а — — — — — и так далее.

Слово из семи букв, где среднее место занимала бы «э», вы едва ли найдёте.

Как выполнить задание?

Стояли жаркие, сухие дни; школьный огород требовал полива. На работу вышли пионеры в составе четырёх звеньев. Вожатый дал каждому звену задание. В третьем и в четвёртом звеньях ребята маленькие. Пусть они принесут по одной лейке воды на человека. В обоих звеньях двадцать ребят, значит, двадцать леек — и довольно.

Первое звено — самое старшее; на его долю столько леек воды, сколько остальные три звена принесут вместе. Второе звено должно принести вдвое меньше, чем первое.

Сразу может показаться, что трудно выполнить такое задание вожатого. Ведь до тех пор, пока первое звено не закончит работу, ребятам второго звена не известно, сколько леек воды они должны принести. А первое звено может определить объём своей работы лишь после того, как ребята второго звена выполнят порученное им задание. Но сколько же леек воды должно принести каждое из этих звеньев?

Не поможете ли вы этим ребятам выйти из затруднительного положения?

Редакция: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежава М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 25/X 1951 г.

Изд. № 640.

82 × 110.

А 07455.

8 печ. л.

Тираж — 115 000.

Заказ 2374.

СОДЕРЖАНИЕ

Огни великого праздника	Стр. 1
Отлично учиться, отлично работать!	2
Лесорубы.— Стихи Е. Трушневой. Рисунки Е. Ребиковой	5
Приезжает цирк! — Альберт Мальц. Перевод Л. Лежневой. Рисунки В. Таубера	6
Песни, облетевшие мир — Виктор Хмара	14
Марш советской молодёжи	16
Беспокойный человек.— Главы из повести Л. Воронковой. Рисунки Ф. Лемкулая	17
Рассказы о борцах за мир	33
Художники детской книги.— Заслуженный деятель искусств Д. Шмаринов	40
Советской страны пионер	44
Шелкопряд на севере.— Альберт Веденин и Аполос Прокошев. Рисунки Николая Смирнова	49
Монгольские сказки — Записала и работала Н. Каюева. Рисунки В. Федяевской	54
Наши пернатые друзья.— Кандидат биологических наук А. Камков. Рисунки В. Константинова	57
Чем заняться конькобежцам.— Заслуженный мастер спорта Г. Кушин	60
В мире книг	62
В часы досуга	64
Наш календарь	III стр. обл.

На обложке:
рисунок А. Побединского
„Праздничный салют“

наш календарь

ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ

Когда в Берлине закончился Всемирный фестиваль молодёжи и делегаты начали разъезжаться по своим странам, немецкий поэт-революционер Назым Хикмет напутствовал их словами:

«Двадцать пять тысяч голубей мира вылетели из Берлина...»

Вестниками мира назвал поэт участников слёта международной дружбы.

Борьба за мир объединяет сейчас передовую молодёжь всего земного шара. Нет такой страны, где юноши и девушки не вели бы мужественную борьбу против преступных замыслов поджигателей войны, за мир и дружбу между народами, за лучшее будущее человечества.

Молодые докеры Европы отказываются грузить корабли военными грузами; горняки Шотландии, Италии, Швеции, Южной Африки клянутся не давать ни одной тонны руды, ни одной тонны угля для военных целей.

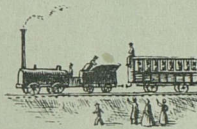
Своим мирным трудом борются за мир юноши и девушки Советского Союза, Китая и демократической Германии, молодёжь Чехословакии и Польши, Венгрии и Болгарии, Румынии и Албании.

С каждым годом крепнет дружба молодёжи всего мира. Шесть лет назад, 10 ноября 1945 года, была создана Всемирная федерация демократической молодёжи. Молодёжь решила общими силами бороться за мир во всём мире, против возникновения новой

войны. Молодые рабочие, крестьяне, студенты всех национальностей дали благородную клятву дружбы. «Смелые руки и лучшие умы никогда не станут работать на войну!» — заявили они.

В знак международной солидарности было решено каждый год, 10 ноября, проводить во всех странах Всемирный день молодёжи.

Сейчас Всемирная федерация демократической молодёжи насчитывает более семидесяти миллионов юношей и девушек. Молодые сторонники мира, несмотря на трудности и преследования, отважно борются против новой войны, которую пытаются развязать англо-американские империалисты.

ДОРОГА-ЮБИЛАЯ

Далеко ли от Москвы до Ленинграда? Всего одна ночь пути. А ещё в середине прошлого века поездка из Петербурга в Москву считалась большим путешествием. Железных дорог тогда не было, и ехать приходилось на лошадях почти две недели. Теперь за это время можно пересечь на поезде Советский Союз — от Москвы до Владивостока.

Железная дорога между Петербургом и Москвой была открыта три года назад, 13 ноября 1851 года. Сейчас эта дорога называется Октябрьской. Она тянется на шестьсот километров.

Наша страна — родина железных дорог. Первый в мире паровой двигатель построил гениальный русский изобретатель Иван Ползунов. Первый в мире чугунный рельсовый путь провёл сибирский механик Кузьма Фролов.

Советский Союз — великая железнодорожная держава. У нас больше ста тысяч километров стальных путей. Каждые сутки советские паровозы пробегают почти миллион километ-

ров. Это всё равно, что двадцать пять раз подряд объехать по экватору вокруг всего земного шара.

СОБИРАТЕЛЬ СЛОВ

Сто пятьдесят лет назад, 22 ноября 1801 года, родился русский писатель Владимир Иванович Даль.

В молодости Даль был военным врачом. Прислушиваясь к беседам солдат и матросов, которых он лечил, Даль не раз восхищался богатством меткостью и живостью народного языка. Замечал он и то, что в разных краях России в речи людей встречаются разные особенности: у рязанцев свои, у новгородцев свои, в Архангельске говорят несколько иначе, чем в Курске.

Даль начал записывать незнакомые ему слова и выражения, пословицы и поговорки, сказки и песни. Постепенно это занятие так его увлекло, что он решил посвятить свою жизнь изучению русской народной речи.

Даль составил первый «Толковый словарь» русского языка. В этом словаре собраны все русские слова, указано точное значение каждого слова, приведены примеры правильного употребления слов. Даль записал также почти сорок тысяч народных пословиц и поговорок и издал их отдельной книгой. Эта книга — подлинная сокровищница народного жизненного опыта и народной мудрости.

Современники Дала высоко ценили его многолетний труд. Пушкин посвятил Далю лучшую свою сказку — «О рыбке и рыбке». Академия наук избрала Дала своим почётным членом.

Труд В. И. Дала до сих пор не утратил своего значения. Наши писатели в поисках наиболее точно и выразительно слова часто обращаются к работам неутомимого собирателя богатств русского народного языка.

НАШИ ПЕРНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Посмотрите, сколько птичек слетелось к своей столовой. Тут снегирь (1, 4), свистель (2), синичка-московка (3), синичка-лазорева (5), клест-еловик (6), большая синица (7, 8), синица-гайча (9), хохлатая синица (10), воробьи (11), овсянка (12), коноплянка (13) и щегол (14).